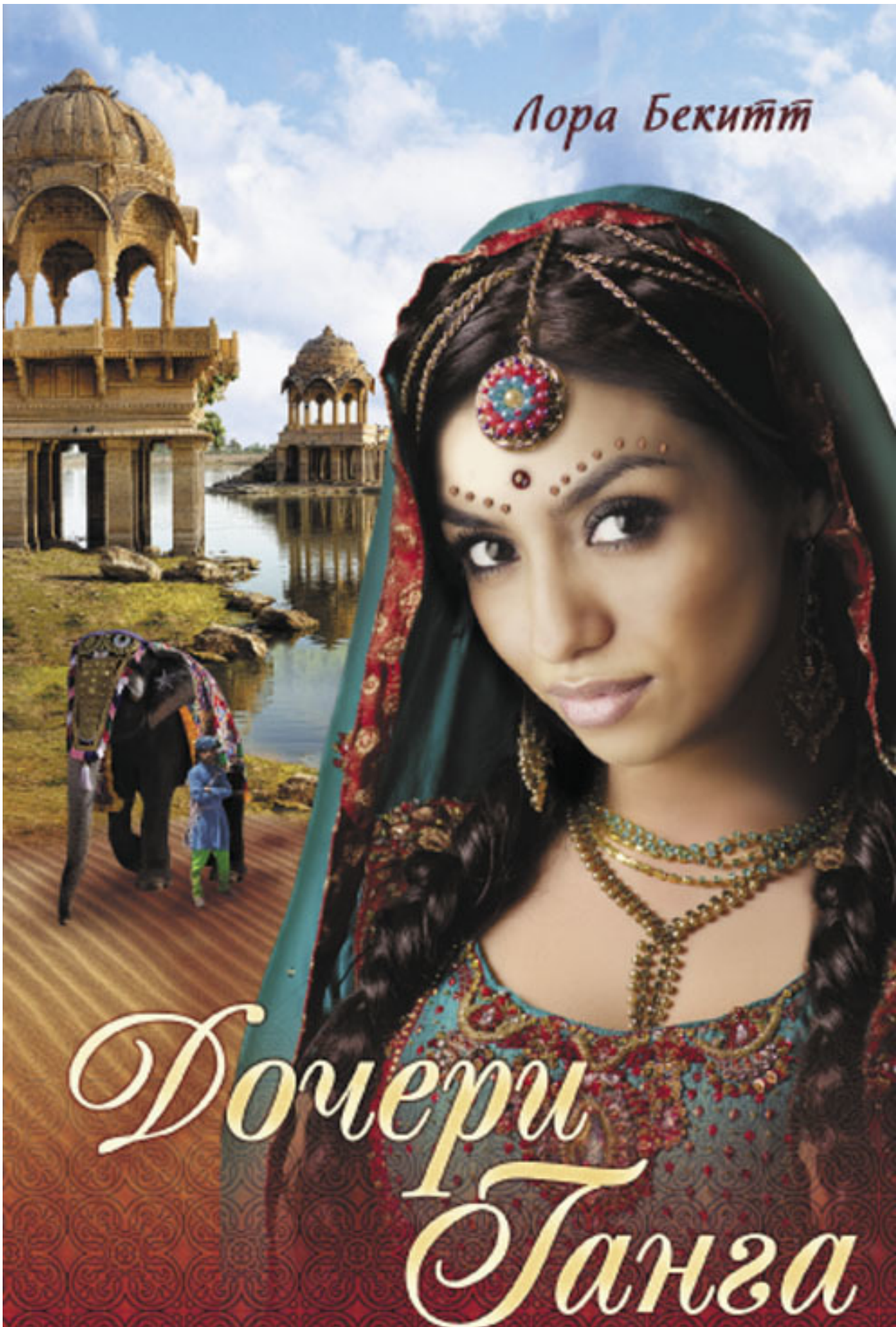

Лора Бекитт
Дочери Ганга

Лора Бекитт

Дочери Ганга

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7211221
Бекитт Лора. Дочери Ганга: Клуб семейного досуга; Харьков; 2014
ISBN 978-966-14-6680-6

Аннотация

Индия. XIX век. Для индийской вдовы есть только два пути – либо сгореть вместе с мужем на погребальном костре, либо провести остаток жизни в приюте…

Сона не готова с этим смириться. Чтобы быть вместе с любимым Аруном, она совершает дерзкий побег из приюта – и Ратна следует за ней. Их ждут страшные испытания – война, разлука с любимыми, человеческая жестокость… Но счастье стоит того, чтобы за него бороться.

Содержание

Предисловие 5
Глава I 7
Глава II 14
Глава III 21
Глава IV 29
Глава V 37
Глава VI 44
Глава VII 52
Глава VIII 58
Глава IX 65
Глава X 73
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Лора Бекитт
Дочери Ганга

Предисловие

Тысячи поклонников Лоры Бекитт с нетерпением ждали эту книгу – и вот она перед вами. Талантливая писательница, автор девяти романов, дарит вам незабываемое путешествие в загадочную, полную чудес и тайн Индию. Здесь вы найдете мастерские описания прекрасной природы Востока и жестоких обычаев, жизни людей разных каст – и высокородных брахманов, и нищих шудр. С искренним уважением и глубоким пониманием писательница рассказывает о древней культуре страны, быте и обычаях, внутренних конфликтах и о том, что принесли с собой в Индию завоеватели.

В яркий неповторимый узор в романе сплетаются роскошь и нищета, ненависть к англичанам и кастовые предрассудки, любовь и предательство, отчаяние и безумная надежда. И в центре этого удивительного полотна – судьбы двух прекрасных, мужественных женщин. Именно надежда и вера в силу чувства помогли героиням преодолеть все препятствия, выжить и обрести наконец любовь и счастье.

Судьба свела Ратну и Сону в Варанаси, в приюте для вдов, которые после смерти мужей остались живы. Ратну от восхождения на жертвенный костер спас еще нерожденный ребенок. Никто не догадывался, что отец малыша – вовсе не пожилой торговец, а его младший сын.

Ребенок спас жизнь матери, но не смог уберечь ее от горькой участи вдовы. Родные покойного отняли у нее новорожденную малышку, а Ратну отправили во вдовий приют. Там девушку до глубины души поразила стойкость и самоотверженность красавицы Соны, брахманки, которая с удивительным терпением переносила полную лишений жизнь в приюте. Сона даже не догадывалась, что она еще встретит истинную любовь.

Когда Сона поняла, что ни дня не сможет прожить без любимого Аруна, она решилась на неслыханную дерзость – побег из приюта. Ратна последовала за подругой – она готова была заплатить любую цену, чтобы вернуть дочь… Невольно герои оказываются в самом центре кровавых столкновений колониальной армии с гордыми повстанцами-сипаями.

Испокон веков Индия делилась на мелкие княжества, которые вели друг с другом непрекращающиеся войны. Захватившие страну англичане быстро осознали преимущество ружей и пушек перед саблями. Но европейцев было совсем мало, потому основной силой колонизаторов стали отряды сипаев – индийских наемников. Но пренебрежение захватчиков к традициям местного населения стало причиной восстания. Бекитт мастерски описывает сложность и неоднозначность исторических событий, чудовищную жестокость обеих сторон.

Среди этого хаоса в сердце Ратны вспыхивает запретная любовь к офицеру-англичанину. А Сона теряет возлюбленного и вынуждена просить подаяние, чтобы спасти от голодной смерти ребенка. Путь к счастью этих женщин окажется долгим и тернистым. Разлука с друзьями и возлюбленными, человеческая жестокость будут следовать за ними. Но даже смерть бессильна перед их любовью.

Роман заставит вас забыть проблемы и заботы, подарит незабываемые эмоции и переживания. Тонкое знание человеческой души, самых сокровенных тайн женского сердца помогли автору создать удивительно яркие, живые образы героев. Итак, добро пожаловать в таинственную и романтичную Индию!

Глава I

Город делился на две половины – обветшалую, унылую и яркую, праздничную. В одной были белые, как слоновая кость, здания, золотой блеск шафрана, женщины в ярких сари, ухоженные до кончиков ногтей, тогда как в другой – покосившиеся хижины, помои, грязное белье, скверная пища, полуголые дети и множество проблем, бывших сродни дырам, которые никак не удается залатать.

В детстве Ратна не замечала границы, при пересечении которой менялся даже воздух, потому что город стоял на берегу Ганга, а она знала: эта река принадлежит всем и каждому. А еще вода, как и огонь, уничтожает всю грязь и скверну.

Гул площадей, шум рынков, голос ветра, крики птиц и животных, журчание реки сливались в единую песню, которой Ратна внимала с восторгом и нежностью. То была жизнь многообразная, противоречивая, жизнь вечная, окружавшая ее с раннего детства.

Детство закончилось рано: она была старшей дочерью в бедной семье и ее воспитала мачеха. Родная мать Ратны умерла очень давно и не оставила о себе почти никакой памяти.

Девочке приходилось возиться с младшими братьями и сестрами, похожими на стайку вечно голодных воробьев, помогать по дому. И все же, когда Ратна стояла на берегу Ганга, наблюдая, как алое солнце медленно опускается в темную воду, и ее лицо овевал влажный и теплый ветер, она чувствовала себя счастливой.

Это продолжалось до тех пор, пока однажды Мина, мачеха, не велела падчерице выстирать сари, причесать волосы и вообще привести себя в порядок, добавив, что вечером ожидается важный гость, которому она, возможно, понравится.

Ратна недоумевала: кому может понравиться девушка-шудра[1] в старом сари, не звенящая дорогими браслетами и не благо ухающая цветочным маслом? Она еще не знала, что естественная, сияющая, как солнечный день, красота способна заменить любые украшения.

Мина приготовила все самое лучшее, что когда-либо появлялось в их доме: дал, роти и даже карри[2].

Ратна сидела смирно, сложив руки на коленях, и не знала, что ее ждет. Рави, отец, суетился и явно нервничал.

Когда вошел гость, девушка почувствовала, как холодеет ее душа. Это был грузный старик с кустистыми бровями, мясистым носом и торчащими из ушей волосами. Его внешность не могли спасти ни добротная одежда, ни кольца на пальцах, ни запах благовоний.

Он внимательно оглядел Ратну, словно оценивая длину ее волос и ресниц, свежесть губ и стройность тела. Потом задал отцу девушки несколько вопросов, таких, какие задал бы торговец на рынке. После этого ей велели уйти, а назавтра Мина сообщила падчерице, что ее ждет. Зрачки Ратны расширились от страха, и она сложила руки в мольбе.

– Прошу, не отдавайте меня за него!

Мина подбоченилась.

– С чего бы вдруг? Тебе будет там хорошо, гораздо лучше, чем дома! Поплывешь по Гангу на красивой лодке, с цветочной гирляндой на шее! Родители господина Горпала давно умерли, тебе не придется жить со свекровью. Будешь хозяйкой в собственной кухне.

---

[1] В Индии было и есть четыре основных общественных сословия – касты. Брахманы – жрецы, кшатрии – воины, вайшья – торговцы и шудры – слуги всех остальных каст. За пределами кастового общества стоят неприкасаемые. (*Здесь и далее примеч. автора, если не указано иное.*)

[2] Дал (дхал) – гороховая или чечевичная похлебка, роти – пресные лепешки из пшеничной муки, карри – блюдо с пряностями и рисом.

Ратна в отчаянии бросилась к отцу и повторила свою просьбу. Отвечая дочери, Рави отвел глаза.

– В нашей семье слишком много девочек, – сказал он, – и всем нужно приданое. Где его взять? А господин Горпал берет все расходы по свадьбе на себя.

– Лучше я пойду в услужение! – воскликнула Ратна, но Рави покачал головой.

– Если ты выйдешь замуж, с тобой не случится ничего дурного, муж станет заботиться о тебе, все решать за тебя. А если попадешь к чужим людям…

Он не мог взять в толк, что брак с господином Горпалом и был самым худшим, что могло произойти в ее жизни, и что она предпочла бы сама отвечать за свою судьбу.

Однако об этом можно было только мечтать. Обрадованная Мина раззвонила соседкам о предстоящей свадьбе и о том, что им с Рави повезло – они смогут обойтись без приданого для Ратны.

В последующие дни девушке чудилось, будто она утратила способность воспринимать краски, звуки и запахи. Все казалось однообразным, глухим и серым. Даже Ганг, символ великого прощения и неиссякаемой любви, казалось, замедлил свое вечное движение. И каждый глоток воды из него, в коем прежде ощущалась святость, теперь был горьким.

Ратна убежала бы, если б знала куда и если б у нее хватило смелости. Однако она выросла в условиях, где каждый шаг был скован неким правилом и запретом.

В назначенный день господин Горпал приплыл, как и обещал, на крепкой лодке, с цветочными гирляндами и деньгами.

Ратна, не поднимая глаз, молчала. Мина преподнесла девушке в качестве подарка от жениха алое, с золотыми блестками сари и тяжелые украшения, но та осталась безучастной. При этом ее сердце стучало гулко, как кузнечный молот, а душа словно сжалась в комок.

Ее причесали и умастили. Украсили, будто священное дерево. Жрец произнес над ней и мужчиной, который должен был стать ее мужем, соответствующие обряду мантры. Потом Ратну посадили в лодку и отправили в неизвестность.

Мимо проплывали деревни с разбросанными по берегам Ганга хижинами и степенно гуляющими коровами. Пахло землей, водой и навозом. Женщины с полными кувшинами – один на голове, другой на боку – шли домой, оживленно болтая. Обгоняя их, куда-то мчались неугомонные дети. Мужчины в дхоти[3] возвращались с полей с мотыгами на плечах.

На прощание Рави сказал дочери, что они будут связаны Гангом, как тайной нитью, но сейчас река представлялась Ратне порванной артерией, из которой хлещет невидимая кровь.

За всю дорогу она не проронила ни слова, но, казалось, ее новоиспеченный муж и не ждал, что она заговорит. Наверное, как и большинство мужчин, он привык к покорным и безмолвным женщинам.

Между тем была середина XIX века и властвовавшие в Индии англичане предлагали местному населению свободу и счастье по своему рецепту, согласно которому женщина не была столь бесправна, как прежде. Но только мало кто из индийцев был способен это принять.

Когда лодка причалила к какому-то берегу, господин Горпал сказал:

– Твоя мать расхваливала тебя как хорошую хозяйку. В моем доме как раз нужна такая. Я вдовствую несколько лет. У меня двое сыновей. Младший живет со мной.

Он подал Ратне руку, но та сделала вид, будто не заметила этого.

Девушка не задавалась вопросом, из какой он касты. Это не имело значения. Важным было то, что господин Горпал олицетворял ужас, в котором ей суждено жить. Отчего-то она сразу почувствовала, что в его груди бьется черное сердце.

---

[3] Дхоти – мужская одежда. Кусок ткани обвязывается вокруг бедер, пропускается между ног спереди назад и подтыкается на спине у поясницы.

Очутившись в доме мужа, Ратна через силу глотала пищу, и каждый кусок казался ей отравленным. На пиру присутствовали соседи, какие-то родственники и младший сын Горпала, взор которого был полон любопытства и, возможно, даже сочувствия. Это был миловидный и кроткий юноша; впрочем, погруженная в себя девушка не обратила на него никакого внимания.

Большой дом был обставлен мебелью из ротанга и устлан цветными циновками, что в среде, где выросла Ратна, считалось роскошью.

Когда настало время идти в спальню, девушка побледнела, ее лицо стало белым, будто его присыпали рисовой пудрой.

Здесь горели лампы, а ложе казалось распахнутой бездной. Тело Ратны словно окаменело. Она ни за что не разделась бы сама, однако жадные руки господина Горпала разорвали на ней свадебное сари. Девушка похолодела от ужаса и была не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, а он, взгромоздившись на нее, кряхтел и пыхтел, однако так и не смог сделать того, что должен делать муж в первую брачную ночь.

В конце концов, произнеся несколько ругательств, он грубо отшвырнул Ратну, повернулся на бок и захрапел.

Девушка долго лежала, прислушиваясь к себе. Ее преследовали непонятные и мрачные видения, картины грядущей жизни в этом незнакомом городе, рядом с чужим человеком. В ту ночь сердце Ратны покрылось невидимыми рубцами.

Каким-то чудом ей удалось заснуть, а на рассвете, открыв глаза, она увидела, что мужа нет рядом. Ратна испытала большое облегчение.

Облачившись в одно из новых сари взамен порванного свадебного и причесав волосы, она отыскала кухню. Там никого не было, зато нашлись вода и кое-что из остатков вчерашнего пиршества, так что девушка смогла умыться, попить и поесть. Она не знала, есть ли в доме слуги и каковы будут ее обязанности.

Обычно замужние женщины ходили за покупками, но Ратна не имела понятия, где находится местный рынок. Она даже не знала, как называется этот город. Возможно, ей говорили об этом, как и о том, чем занимается ее муж, но она была столь убита горем, что ничего не запомнила.

Обстановка кухни действовала на нее успокаивающе. Ратна видела то, что обычно и можно увидеть в таком помещении: большой очаг, нишу с мисками, чашами, кувшинами, блюдами и горшками, мешочки с приправами, камни для перемалывания специй.

Девушка проверила запас продуктов. Было ясно, что в этом доме питались гораздо лучше, чем в ее родной семье. Ратна с любопытством заглядывала в очередной мешок, когда услышала:

– Намасте![4]

Девушка обернулась. Перед ней стоял сын господина Горпала. Когда она ответила на приветствие, юноша спросил:

– Что ты тут делаешь?

Ратна не смутилась. Обычно она совершенно свободно разговаривала с соседскими мальчиками, а этот парень был ее ровесником или, быть может, опередил ее на какие-нибудь пару лет.

– Смотрю, что тут есть и что можно приготовить. Кто этим занимается?

– Наша служанка Диша. Сегодня у нее выходной. Отец отпустил ее в честь вчерашнего праздника.

Выдержав паузу, Ратна спросила:

---

[4] Распространенное индийское приветствие; обычно сопровождается легким поклоном и складыванием ладоней перед грудью.

– Где он?

– На рынке.

– И что он там делает?

– У нас лавка. Мой отец торгует коврами.

– Так вы вайшья?

– Да.

Умом Ратна понимала, что должна радоваться тому, что ее взял в жены мужчина из касты выше, чем та, к которой принадлежала она сама, но ее сердце упрямо застыло.

Юноша не поинтересовался ее происхождением; может, он слышал, из какой она семьи, а может, это не имело для него значения.

– Как тебя зовут?

– Нилам. А тебя Ратна?

Девушка кивнула.

– Наши имена похожи[5].

– Правда.

– А нам можно разговаривать?

Нилам оглянулся.

– Не знаю. Здесь никого нет, так что нас никто не услышит.

– А почему ты не в лавке?

– Отец не разбудил меня. Такое случилось впервые. Сам не знаю, что произошло. Неужели он забыл? – пожав плечами, сказал юноша и добавил: – Сейчас я пойду на рынок. Если хочешь, возьму тебя с собой.

Ратна колебалась. Ей очень хотелось посмотреть город, но она не знала, можно ли ей выходить из дома.

– А кто ходит за покупками? Диша? – спросила девушка и обрадовалась ответу Нилама, который сказал:

– Да, она. Только Диша очень стара. Отец говорил, что теперь это станет твоей обязанностью.

– Тогда пойдем!

Ратна отыскала плетеную корзинку, накинула на голову конец сари, и они с Ниламом вышли из дома.

– А как называется это место? – запоздало поинтересовалась девушка.

Нилам удивленно посмотрел на нее.

– Хардвар.

Как и родной город Ратны, он располагался в долине Ганга, и река здесь была не прозрачной, степенной и медленной, а быстрой, грязно-серой, несущей по волнам обломки деревьев. К воде вели каменные пристани, на которых толпились паломники, среди зелени деревьев выделялись крыши храмов небесно-голубого или золотистого цвета. Горизонт окаймляли заснеженные горы, каких Ратна никогда прежде не видела.

В Хардваре тоже были огромные острова ветхих домов, кишащие крысами узкие улочки с тошнотворными запахами, запахами несчастья и нищеты. Существовали и оазисы роскоши, где гуляли облаченные в яркие ткани женщины с золотыми ожерельями, кольцами, подвесками и серьгами, красными и белыми цветами в красиво причесанных волосах, а мужчины ездили верхом на покрытых парчовыми чепраками конях.

Безжалостное солнце обрушивало на голову потоки огненных лучей. От земли поднималось золотистое марево, отчего окружающая действительность напоминала картинку из сна.

---

[5] Ратна – драгоценный камень, Нилам – сапфир.

Как и положено, Ратна шла чуть позади Нилама, подставив лицо горячему ветру, щурясь от яркого света, и жизнь уже не казалась ей такой безнадежно тяжелой.

– Где твой брат? – спросила она. – Кажется, вчера я его не видела.

Юноша нахмурился.

– Амит не захотел торговать коврами. Он разругался с отцом и поступил на службу к англичанам. Сейчас он находится в гарнизоне сипаев[6], носит саблю, красный пояс и белый тюрбан.

Ратна никогда не слышала, чтобы старший сын жил отдельно от отца и занимался чем-то иным, чем то, что передавалось из поколения в поколение, но ничего не сказала.

Базар представлял собой нескончаемую, полную народа улицу. Ратна любовалась керамической, медной и глазурованной посудой, охапками цветочных гирлянд, волнами ярких тканей, разноцветными горками специй и трав, пирамидами фруктов.

Заклинатель змей дудел в свою дудку, и кобра в открытой плетенке покачивалась, словно стебель на ветру. Мастерица мехенди[7] рисовала на руках желающих диковинные цветы, витиеватых бабочек или священные раковины. Глядя на этих людей, Ратна подумала о том, что готова обучиться любому ремеслу, дабы иметь возможность существовать самостоятельно.

Когда они вошли в лавку Горпала, от обилия разноцветных ковров со сложными и простыми узорами у девушки зарябило в глазах. Ратне почудилось, будто она оказалась в некоем пышном, радужном, но неживом и душном саду.

Обернувшись, господин Горпал с изумлением уставился на жену и сына. Нилам поклонился отцу.

– Я привел ее, чтобы вы дали ей денег. Ратна хочет сделать покупки.

Лицо господина Горпала перекосилось от злобы.

– Ты не должен разговаривать с ней и тем более гулять по базару! Сейчас ты проводишь ее обратно, но больше никогда не бери ее с собой! – Он швырнул Ниламу кошелек. – Пусть купит все, что надо, но отныне – ни шагу без моего позволения!

Юноша кивнул и попятился. Ратна кожей ощущала его униженность и страх. Сама она выслушала Горпала, не дрогнув, с нескрываемой твердостью и, не произнеся ни единого слова, пошла прочь от лавки.

Когда они с Ниламом отошли на значительное расстояние, девушка спросила:

– Как получилось, что господин Горпал женился на мне?

Юноша замялся, но потом сказал:

– Я подслушал разговор отца с его приятелем. Тот вступил уже в третий брак и говорил, что знает человека, разыскивающего в городах и селениях красивых девушек, за которых родители просят очень мало денег. Вероятно, отец обратился к нему. Я думал, он едет за товаром, а когда отец сообщил, что привезет жену, чуть не потерял дар речи. Я сказал себе, что буду тебя ненавидеть, но, когда ты вошла в дом, понял, что у меня ничего не получится.

– А… твоя мать? Она давно умерла?

– Пять лет назад. Я по наивности думал, что отец больше не женится.

Они помолчали.

– Почему ты не можешь меня ненавидеть? – тихо спросила Ратна.

– Потому что ты слишком молода и в самом деле очень красива.

Девушка смутилась. Она редко задумывалась о своей внешности. Между тем она была не столько красива, сколько таила в себе некую искорку, мелькавшую и в улыбке, и во взоре, и в каждом движении легкого, гибкого тела.

---

[6] Сипаи – наемные солдаты в колониальной Индии, рекрутировавшиеся из местного населения.

[7] Переводится как «хна» или «рисунок хной».

Несмотря на низкое происхождение и смуглую кожу, Ратну в самом деле можно было назвать драгоценным камнем, несущим в себе яркий живой свет.

– Ты боишься отца? – спросила она Нилама.

– Да, – признался юноша, – очень боюсь. Амит сумел освободиться от его власти и выбрал свой собственный путь, но я едва ли способен на такое.

С тех пор, повинуясь приказу отца, Нилам избегал Ратну. Девушка ходила на рынок сперва с Дишей (которая оказалась ворчливой старухой, весьма неохотно впустившей девушку в свое кухонное царство), а потом с замужними соседками, с коими ей пришлось свести знакомство. Ратна чувствовала себя среди них неуютно: эти женщины были гораздо старше и большинство из них родилось в Хардваре.

Что касается отношений с мужем, то они вызывали у Ратны отвращение и страх. Горпал так и не смог исполнить супружеский долг, а свою досаду и злость вымещал на жене.

– К кому ты обращалась, чтобы лишить меня мужской силы? – шипел он в ночной темноте, намотав волосы Ратны на одну руку, а другой больно сжимая ей грудь. – Я знаю, что все это не просто так!

Такое поведение не удивляло девушку. Она с детства знала, что мужчины всегда делают женщин виноватыми в своих проблемах.

Ратна никому не жаловалась, потому что помощи ждать было неоткуда. Соседки страдали от своих собственных мужей, а по закону всякая женщина считалась собственностью мужчины.

И все же, когда она порой ловила сочувствующий, понимающий взгляд Нилама, ей становилось немного легче, а иногда в ее душе быстрыми птицами проносились какие-то странные мечты, сладкие и пугающие.

Постепенно Ратна привыкла к городу, этому большому муравейнику из домов и храмов. Главное, что с ней был Ганг, река-кормилица, приют и жизни, и смерти. В самом деле, человек рождался из воды и в конце своего земного существования вновь возвращался туда. В Ганге набирали воду для питья, и в его же волнах обмывали покойников. Шум реки успокаивал Ратну и внушал надежду на то, что в конце концов судьба подарит ей хотя бы частичку счастья.

Через месяц после свадьбы Горпал собрался за товаром. Как правило, он объезжал пригималайский район, где была самая лучшая шерсть, из которой выделывались на редкость качественные ковры. Лавку он обычно оставлял на Нилама. Когда Ратна узнала об отъезде мужа, ее сердце радостно подпрыгнуло.

В то утро, когда Горпал покинул дом, Ратна наслаждалась даже запахом кизячного дыма. Она отпустила Дишу, чтобы та отдохнула: едва ли в эти дни им понадобится много еды. В доме оставался только слуга, неприветливый, молчаливый мужчина.

Ратна ощущала то, что зовется предвкушением. Каждый звук, аромат или цвет таили в себе свободу. При мысли о том, что она проведет вечер с Ниламом, девушка испытывала какое-то особенное, весьма приятное чувство. Дело было даже не в симпатии, а скорее в некоем единении двух юных душ, очутившихся в схожих обстоятельствах и вынужденных подчиняться человеку, которого они боялись и не любили.

Позднее Ратна задавала себе вопрос: о чем думал Горпал, оставляя их в доме одних (не считая слуг)? И отвечала: о правилах морали, предписываемых дхармой[8]. О божьей каре. Ему и в голову не приходило, что человек может поступиться чем-то святым в угоду чувствам или желанию.

[8] Дхарма (*санскр.* «закон, правило») – индийский философский или религиозный термин, который используется для обозначения морального долга, обязанностей человека или, в более общем значении, – пути благочестия. (*Примеч. ред.*)

Порой отец может посягнуть на жену сына, но никак не наоборот. В кастовом обществе высший есть высший, а низший есть низший, и это неизменно от века. Нилам еще ни разу в жизни не ослушался отца, и Горпал полагал, что так будет всегда.

Однако мало что на свете остается неизменным. Самоуверенный и недальновидный Горпал совершил первую ошибку, когда, будучи вне себя от досады и злости после неудачной брачной ночи, отправился в лавку, забыв разбудить сына, и эта ошибка повлекла за собой череду других.

Ратна приготовила овощи с пряностями и рассыпчатый рис. А потом решила прогуляться к Гангу. Одна.

Она наблюдала, как солнце нисходит с безоблачного неба в темную воду, и та сперва закипает расплавленным золотом, потом вспыхивает кроваво-красным и, наконец, розовеет, как лепестки роз, и в ее сердце расцветала радость. Душа каждого человека связана с душой Ганга, как ручеек с полноводным потоком, а любая минута жизни – с Вечностью.

Когда Нилам вернулся домой, Ратна позвала его ужинать. Подав еду, она собралась уйти, однако он сказал:

– Останься.

Ратна покачала головой.

– Я не могу есть с тобой.

– Почему? Ведь я тебе не муж, – сказал юноша и покраснел.

В свою очередь смутившись, девушка неловко опустилась на циновку.

Некоторое время они ели молча. Заметив, что Нилам за чем-то наблюдает, Ратна проследила за его взглядом. На стене сидела одна из тех очаровательных домашних ящериц, которые кажутся игрушечными, чье тельце изящно изогнуто, а глаза похожи на черные бусинки.

Юноша и девушка взглянули друг на друга и улыбнулись.

– С тех пор как ты появилась в доме, все изменилось, – сказал Нилам. – Мне все равно, каким будет день, потому что я знаю: вечером я увижу тебя!

Она потупилась.

– Ты не можешь так говорить.

– Почему нет? Это же просто слова.

И Ратна подумала о том, насколько опасны бывают слова, в которых скрывается истина.

– Ты слишком молода для отца, – продолжал Нилам, – наверное, он и сам это понял, потому что после женитьбы сделался еще мрачнее и злее. Раньше он любил торговлю, а теперь, как мне кажется, недоволен даже лавкой.

– Ты продолжишь его дело?

– Да. Больше некому. – Он помолчал. – Прежде я всегда знал, что со мной будет, и нельзя сказать, что меня это радовало. А теперь я думаю, что, возможно, моя жизнь сложится иначе, не так, как я предполагал.

– У меня все наоборот, – сказала Ратна. – Прежде я не задумывалась о будущем, а потом оно вдруг открылось передо мной во всей своей страшной правде.

– Давай будем думать, что и у тебя, и у меня все еще впереди.

Они провели время так, как провели бы его два молодых человека, внезапно лишившихся опеки сурового наставника. В эти дни в доме звучал смех, а слова, улыбки и взгляды были полны надежды. У Ратны все спорилось в руках, а Нилам так развернул торговлю, что оставалось только дивиться, откуда у прежде робкого в поступках, бедного фантазией, вялого умом юноши взялось столько сообразительности и умения.

Потом появился Горпал, и все вернулось на круги своя. Однако теперь и Нилам, и Ратна знали, чего им следует ждать: его следующего отъезда..

Глава II

В поворотные минуты жизни в человеческую душу проникает мрак или свет – третьего не дано – и начинает расти, определяя его дальнейшее существование.

При появлении Нилама Ратна столь поспешно опускала глаза и так усердно изображала равнодушие, что это могло показаться неестественным, но Горпал ничего не замечал. Постепенно он стал относиться к девушке как к служанке, которой не надо платить жалованье и на которой в случае плохого настроения можно выместить злобу.

Ратна привыкла к женщинам-соседкам, их разговорам о том, как кого-то заела свекровь, насколько жаден чей-то муж, а в какой-то семье без конца болеют дети. О хорошем говорили редко и мало, но это не вызывало удивления. Так было везде и всегда.

Девушка изучила улицу вдоль и поперек, здоровалась почти со всеми ее обитателями, а потому больше не было ни любопытных взглядов, ни шепотка за спиной. В сущности, все казалось таким же, как в ее родном городке, только Хардвар был больше, как и ее новый дом, и она куда лучше одевалась и питалась.

Все шло своим чередом; даже жестокие и злобные, но безуспешные домогательства Горпала уже не вызывали у нее такого ужаса. Ночь пройдет, наступит день, муж отправится в свою лавку и оставит ее в покое.

Ратна знала, что в жизни каждого непременно есть что-то плохое, а что до бесконечной работы, так она еще ни разу не встречала человека, который даром ел бы свой хлеб. А еще она начала понимать: хотя мужская воля непоколебима, можно обойти даже ее, если быть похитрее.

В ночь после того, как Горпал в очередной раз отправился за товаром, разразилась сильная гроза, ветер сменился настоящим вихрем. Ветвистая молния напоминала гигантское огненное дерево, и стоял такой грохот, что чудилось, будто палят из сотен пушек.

Вид низких черных туч над Гангом лишил Ратну радости ужина с Ниламом. Подавленная, она не знала, о чем говорить, да и есть не хотелось. Юноша тоже казался странно тихим и серьезным. Они посидели недолго и быстро простились, разойдясь на ночлег.

Очутившись в спальне, Ратна опустилась на чарпаю[9] и задумалась. Зря она питает какие-то надежды. Ничего не изменится. Начать с того, что ее пробор уже никогда не станет чистым![10]А если Горпал умрет раньше, что вполне вероятно, поскольку он намного старше, ее ждет костер. И тогда в слепом отчаянии она сочтет за счастье все, что имела до этого: прикосновение горячего песка к босым ногам, сияние солнца между ресниц, танец ветра, игравшего ее волосами.

Девушка сидела, вздрагивая при каждой вспышке молнии и каждом ударе грома. Потом легла и все думала, думала, вспоминая отца, мачеху, братьев, сестер и задавая себе вопрос: могла ли ее жизнь сложиться иначе?

В какой-то момент раздался такой грохот, что Ратна подпрыгнула на кровати. А если дом разнесет в щепки? А если Ганг выйдет из берегов и унесет ее с собой, как сорванные листья и сломанные ветки?!

Девушка бросилась к выходу и столкнулась с Ниламом.

– Ты куда?! – вскричал он. – Там такое творится!

Снаружи доносился нарастающий шелестящий звук – шум сильнейшего ливня. Ветер дул порывами, а река гудела, словно гигантская утроба.

---

[9] Чарпая – легкая деревянная кровать с проволочной сеткой.

[10] Замужние женщины проводят красную полоску на проборе синдуром (порошок красного цвета, используемый в индуизме).

– Я боюсь!

– Не бойся! Такое уже бывало. С домом ничего не случится.

Ратна дрожала. У нее мелькнула мысль, что в подобную ночь как раз и можно сбежать: стихия смоет все следы и на вопросы будет отвечать неизвестность.

– Я останусь с тобой, – сказал Нилам и привлек ее к себе.

Если Ратна воспротивилась, то лишь на какое-то мгновение; прижавшись друг к другу, юноша и девушка словно стремились удержать жизненные силы и вместе с тем оттолкнуть противный липкий страх, от которого немело тело.

Оба чувствовали, как кровь горячей волной приливает к сердцу, ощущали жар губ и рук. Что-то обрушилось на них и увлекло за собой подобно Гангу, который вышел из берегов. Первое сильное чувство потрясло их обоих до глубины души.

Внезапно океан тоски в груди Нилама, порожденный невозможностью обладать этой юной женщиной, превратился в лавину счастья. А Ратна раскрылась перед тем, что давно стучало в невидимые двери. Точно так же за стенами дома слились воедино земля и небо, скрытые пеленой дождя.

Больше Нилам и Ратна ничего не слышали. Ничего, кроме взволнованного дыхания и безумных слов, что слетали с губ. Их тела содрогались, словно в ритуальном танце, под звуки порожденной ритмом сердец музыки, что звучала внутри; казалось, они были не властны над тем, что влекло их друг к другу.

Утро оказалось неожиданно ясным. Последние звезды сверкали так ярко, будто умылись в ночном дожде, а восходящее солнце было ослепительно-алым, каким оно не было никогда прежде.

Лицо Нилама сияло гордостью и любовью. Но в глубине его глаз таился страх – как если бы к горлу приставили острие невидимого меча. Ратна сидела странно притихшая. Она как будто чего-то ждала, каких-то слов или, возможно, действий.

– Так, значит, у вас с отцом ничего не было? – с облегчением произнес Нилам. Она покачала головой, и он заметил: – Тогда то, что мы совершили, вовсе не так ужасно. И все же я опасаюсь, как бы он не узнал!

– Мы можем попытаться забыть о том, что произошло, тогда нам будет проще это скрыть, – прошептала Ратна.

– О нет! Только не это! – В голосе Нилама звучала мольба. – Я никогда ни о чем не забуду и уж тем более не откажусь от тебя! – Протянув руку, он коснулся ее волос, потом провел ладонью по ее щеке и с восхищением произнес: – Ты прекрасна, словно рани![11]

Еще не родилась женщина, которой бы не польстили такие слова. Ратна почувствовала, как раскаяние, вставшее комом в ее груди, начинает таять.

– Если мы будем осторожны, он не догадается.

– Наверное. – Юноша улыбнулся. – Я чувствую себя счастливым, потому что впереди у нас еще несколько дней!

Ратна кивнула, а после произнесла слова, которых не услышала от него:

– Что, если нам убежать?

Плечи Нилама чуть поникли.

– Куда, как? Да и на что? Я родился здесь и больше не знаю никаких мест. Красть я не могу… И если даже я не возьму у отца ни анны[12], меня настигнет другая кара. Ты понимаешь, о чем я?

---

[11] Рани – титул индусской княгини в Индии. В переносном смысле – красавица, божественная особа.

[12] Анна – разменная индийская колониальная монета, равная 1⁄16 части рупии

– Да, – ответила девушка, зная, что он ждет от нее именно этого, а сама подумала о том, почему боги не наказывают мужей, издевающихся над своими женами, или завоевателей, обворовывающих индийский народ?

О мужьях постоянно болтали женщины, а про англичан порой говорил Горпал, обозленный как ослушанием старшего сына, поступившего на службу к иноземцам, так и их грабительскими налогами.

Ратне было пора за водой, а Ниламу – в лавку. Оба понимали, что сейчас их спасение – в поддержании хотя бы видимости привычного порядка вещей.

Надев чистое сари, девушка тщательно расправила складки. Гладко и туго причесала волосы. Она боялась, что что-нибудь может выдать ее перед женщинами: краска в лице, дрожание рук, растерянный взгляд.

Кувшин сделался скользким, оттого что у нее сильно вспотели ладони. Вытерев их, Ратна попыталась взять себя в руки. В конце концов, все эти женщины думают, будто то, что произошло с ней минувшей ночью, свершилось давным-давно.

И все же, когда девушка вышла на улицу, у нее звенело в ушах, дыхание прерывалось, а чужие лица расплывались перед глазами.

Ратна напрасно боялась: всех интересовали только ураган, натворивший немало бед, да каждодневные проблемы. Она пошла в толпе женщин, не способных поверить в то, что можно нарушить нечто такое, что ни при каких обстоятельствах нельзя нарушить.

Девушка обращала внимание на встречных мужчин. У многих были заострившиеся лица с резко выступающими скулами, а их дхоти жалко болтались вокруг кривых костлявых ног. Другие, наоборот, казались непомерно грузными, с как будто надутыми губами и почти женской грудью. Нилам же был красивым и стройным, от него словно исходило сияние юности.

Подумав об этом, Ратна невольно утешилась и провела день не только в привычных трудах, но и в радостном ожидании.

Пришла ночь, и они с Ниламом вновь разбудили друг друга для жизни куда более яркой и полной, чем та, какую они когда-либо могли себе представить. Страстное желание и неописуемое наслаждение побеждали все. В эти минуты и страх, и чувство вины превращались в пыль. Происходящее казалось им неизбежным, естественным и прекрасным.

Потом они лежали обессиленные, и тишину нарушал только громкий стук сердец. Это повторялось каждую ночь, и им больше не хотелось говорить о будущем, они жили лишь настоящим, сверкающим, тонким и острым, как солнечный луч или стальной клинок.

Когда Горпал вернулся, Ратна постигла одну важную вещь: Нилам сделался ее возлюбленным, однако не стал защитником.

– Если я вынужден принимать пищу из рук шудры, тогда от тебя должно быть больше толку! – будучи не в настроении, орал Горпал на жену и замахивался на нее чем попало.

Ратна испуганно шарахалась, а Нилам сидел, опустив глаза, с таким видом, будто его тут нет или как если бы он растерял все свои чувства.

Хотя девушка понимала, что их может выдать любое неосторожное движение или взгляд, ее сердце точила обида.

Их жизнь с Ниламом разделилась на две половины: одну заполнял всеобъемлющий страх, другую – безудержная любовь.

Однажды Горпал сказал ей:

– Хотел бы я знать, чем ты тут занимаешься, когда меня нет!

Ратна ничего не ответила. У нее был вид человека, который только что проснулся и не может взять в толк, где находится. Присутствовавший при этом Нилам зажмурился и затаил дыхание. Не шелохнулся он и тогда, когда Горпал с воплем «Дура!» ударил жену.

По прошествии нескольких дней Ниламу удалось шепнуть возлюбленной:

– Меня мучает совесть, но я ничего не могу поделать!

Ратна только кивнула, и они продолжали жить так, как жили. Когда отца не было, Нилам расточал нежности, когда Горпал возвращался, юноша поневоле становился отстраненным и равнодушным.

В тот день, когда Ратна поняла, что она беременна, все валилось у нее из рук, а в груди безжалостно щемило.

Девушка знала, что должна как можно скорее поговорить с Ниламом. Боги, когда же уедет Горпал! Он никогда заранее не предупреждал об отъезде, тем более молодую жену.

Сила мужчины – это упорство буйвола, тогда как сила женщины – увертливость змеи. Ратна без конца повторяла себе, что должна что-то придумать.

Сидя в очереди возле источника, она разглядывала женщин, которые обменивались сплетнями, жевали бетель[13], шутили, ругались, смеялись или грустили. Они были разными, но ни одна из них не смогла бы понять, отчего зарождение новой жизни обернулось для Ратны чудовищным наказанием. Она забыла все, что должна помнить женщина, возжелала мужчину не только в своем сердце! И этот мужчина был не кем иным, как сыном ее господина, в преданности которому заключалась ее честь и открывался путь к вечной жизни.

В ее голову вновь ворвалась мысль о бегстве. Если б только Нилам согласился! А если бежать одной? Но тело Ратны превратилось в кокон, таящий в себе новую жизнь, и она должна была помнить об этом.

Да и что она знала или могла? От рождения до смерти женщина существует под присмотром отца, мужа или брата. Она не имеет права жить и тем более путешествовать одна. Что она будет есть и где станет спать? Если вернуться к отцу и мачехе, те прогонят ее с позором и, скорее всего, отправят обратно к мужу. И тот ее убьет.

Девушка подумала о том, как бы повела себя ее родная мать, если бы она была жива? И решила, что даже та не смогла бы принять такую дочь. Ратна в отчаянии сжала руки. Она сама обрекла себя на то, чтобы быть хуже неприкасаемой!

Соседка толкнула ее, и девушка поняла, что подошла ее очередь. Наполнив кувшины, Ратна медленно, как старуха, побрела прочь; ей казалось, будто у нее связаны ноги.

Ей удалось поговорить с Ниламом лишь спустя несколько дней. Девушка выследила его, когда он вышел из лавки, чтобы помочь богатому покупателю донести ковер до повозки, а потом повернул обратно.

Увидев Ратну, юноша ахнул.

– Что ты тут делаешь?!

– Жду тебя.

Он взмолился:

– Иди домой!

– Мне нужно поговорить с тобой.

– А если отец увидит? Если он выйдет из лавки, чтобы узнать, куда я запропастился?

– Не выйдет.

– Тогда он спросит, почему я задержался.

– Скажешь, что покупатель дал тебе денег и велел отвезти ковер к нему домой. Вот, возьми.

И Ратна сунула Ниламу рупию, оставленную на хозяйство.

Юноша сильно нервничал, но все же пошел за ней. Ему было известно, насколько болтливы торговцы («А о чем это, Горпал-джи[14], Нилам разговаривал с твоей женой?»), однако

---

[13] Пряная смесь для жевания, которую приготавливают из листьев бетеля – перечного растения жгучего вкуса, семян арековой пальмы и небольшого количества извести.

[14] Джи – вежливое, уважительное обращение.

во взоре, тоне, движениях Ратны было нечто такое, чему он не мог противиться. Он догадывался, что услышит что-то плохое, даже ужасное, и не ошибся.

Не теряя времени, девушка сообщила:

– У меня будет ребенок.

Нилам так резко отшатнулся, что, казалось, он сейчас упадет.

– Что ты сказала? – пробормотал он, а потом добавил: – Это точно?

– Да.

Ратна стояла, не двигаясь, и ожидала, что последует дальше. Ей было неприятно наблюдать, как уверенный в себе мужчина превращается в растерянного мальчика. Впрочем, уверенность его проявлялась только в тех случаях, когда он приходил к ней по ночам в отсутствие отца.

– Что же нам делать?

Ратна обхватила плечи руками, будто защищаясь от порыва ветра.

– Надо подумать.

– Как долго это можно скрывать?

Девушка решила, что под сари, да еще учитывая абсолютное неведение Горпала, довольно долго, но что это даст? Правда все равно откроется.

Кроме того, ее каждый день видят соседки, от которых ничего не утаишь.

– Не знаю.

– Если бы у тебя что-то было с моим отцом! – в отчаянии воскликнул Нилам, и Ратна вздрогнула. Неужели он был бы готов выдать этого ребенка за своего брата или сестру?

– Но ничего нет, – твердо произнесла она, – потому он все поймет.

– Так же, как и то, кто виновник!

Небеса над головой Ратны вновь померкли, а в горло словно воткнули нож. И все же она сумела ответить:

– Я могу не называть тебя. Пусть убивает меня одну.

– Нет! Только не это!

Уловив, что Нилам боится не только за себя, но и за нее, что он не хочет ее терять, девушка перевела дыхание.

– Тогда как быть?

– Ты ведь шудра, ты видела всякое, неужели ты ничего не можешь придумать?

Значит, он считает ее простолюдинкой, способной выпутаться из любой переделки! Да, возможно, она нашла бы выход, например сбежала бы. Но ведь он отказывается от этого!

Когда Нилам ушел, девушка стояла, глотая горячий воздух и собственные слезы, хотя и знала, что плакать – это привилегия богатых; бедные страдают молча, потому что им неоткуда ждать помощи.

За ужином Ратна поняла, что в ее душе все это время зрела ненависть к мужу. Горпал клял англичан, не понимавших, что у индийцев можно отнять все, кроме чувства собственного достоинства, что они не терпят незаслуженной обиды, а сам между тем покрикивал на жену за то, что она якобы нерасторопна; однажды даже схватил за косу и сильно дернул. Нилам сидел напряженный, как струна, и отвечал отцу только «да» или «нет», прибавляя уважительное обращение, и девушке казалось, будто ей всякий раз дают пощечину.

Когда мужчины ушли, она наконец смогла поесть сама. Поглядев на блюдо, по которому были разбросаны полуобглоданные кости, Ратна почувствовала отвращение. Пусть лучше ей вообще не достанется мяса, чем эти объедки!

Взяв блюдо, она вышла из кухни, подошла к ограде и принялась кидать кости соседской собаке. За этим занятием ее и застал Горпал.

Он стоял, словно не веря своим глазам, однако его взгляд был сосредоточенным, тяжелым и гневным.

– Значит, я целый день надрываюсь в лавке, а проклятая шудра кормит моей пищей собак!

– Здесь совсем мало мяса, – пробормотала Ратна.

– Тебе бы хватило! Ты обязана за мной доедать! А может, ты воруешь у меня лучшие куски?!

Горпал замахнулся, и Ратна отпрянула, выронив блюдо. Однако бежать было некуда, и череда яростных хлестких ударов обрушилась на ее голову и тело. Уличив жену в тяжелейшей, на его взгляд, провинности, Горпал дал себе волю.

Земля завертелась перед глазами Ратны, но она не стала молить мужа о снисхождении. Пусть лучше убьет! К счастью, его запал быстро иссяк, и Горпал, схватив жену за плечи, втащил ее в кладовку и запер дверь.

– Посидишь взаперти, на воде и лепешках. Зато будешь знать, как выкидывать мясо!

Лепешки и вода не испугали Ратну: в ее семье временами только так и питались; часто у них не хватало денег даже на горстку самого дешевого дробленого риса и капельку горчичного масла.

Девушка думала о другом. О том, как ей придется припадать к стопам мужа, готовить для него еду, служить ему, несмотря на унижения и побои, а потом сгореть вместе с ним на погребальном костре. Она проведет остатки дней в муках и умрет страшной смертью.

Больше ее ничто не радовало, даже свидания с Ниламом. Подумать только, как быстро жизнь потеряла всю радость, надежду и красоту, стала однообразной, унылой, как выжженная солнцем пустыня!

А потом Ратна вспомнила: ребенок! Все свершится намного раньше. И несчастный малыш, даже не успев родиться, погибнет вместе с ней, потому что Горпал ни за что не простит ей измены.

Девушка провела в кладовке несколько дней. Диша, вздыхая, приносила ей еду и милосердно выпускала на несколько минут по нужде. Все остальное время Ратна сидела в углу или лежала на жидкой соломенной подстилке и думала. Никогда еще у нее не было столько времени для размышлений, однако это ни к чему не привело.

Наконец ее освободили, и на следующий день Горпал уехал. Однако его отъезд не принес Ратне никакой радости. Нилам ходил как побитая собака. Легкомысленное развлечение, недолгий любовный пыл обернулись ожиданием неминуемой и жестокой расплаты. Юноша по-прежнему не соглашался бежать, теперь оправдываясь тем, что у них с Ратной есть в запасе несколько месяцев. А она задавалась вопросом, стоит ли уповать на время, каждая минута которого истязает сердце?

Погруженные в невеселые мысли, Ратна и Нилам почти не общались. Жажда любовных утех тоже сошла на нет. Их разлучило то, что обычно объединяет мужчину и женщину.

Ратна представляла себе, как соседки скажут: «И давно ли ты ждешь прибавления в семействе? Твой господин, наверное, рад?» А потом муж одной из самых болтливых возьмет да и заговорит об этом с Горпалом! Или Горпал первым заметит, что она начала поправляться, и заорет: «Ты воруешь мою еду, проклятая шудра, потому и толстеешь!» А затем заподозрит нечто другое, а когда все откроется, быстро догадается, кто виновник.

Вечер и ночь перед возвращением Горпала вновь ознаменовались ненастьем: сначала серая мгла поглотила солнце, а потом над Гангом черным пологом нависли тучи; казалось, они стелются над самой водой. Когда поднялся ветер и хлынул дождь, река бешено вскипела, и одиноко сидевшей в своей комнате Ратне вдруг пришла в голову мысль: хорошо, если в непогоду лодка перевернется и Горпал пойдет ко дну!

Девушка была рада, что сейчас ее никто не видит, потому что едва ли сумела бы скрыть мстительный блеск своих глаз!

Горпал явился под утро. Лодка не затонула, но он был обессилевшим, продрогшим, мокрым с головы до ног.

– Подай гамчу![15] – просипел он, обращаясь к жене. – И завари шафран или имбирный чай!

Горпал, пошатываясь, прошел к кровати и рухнул на нее. Он дрожал всем своим большим телом и никак не мог согреться, а его кашель сотрясал воздух.

Ратна позвала Нилама, и тот сбегал за лекарем. Хмурый важный старик осмотрел больного и сказал, что всему виной непогода: Горпал попал под холодный ливень, вот у него и началась грудная болезнь. Он прописал травы, которые сам же продал Ниламу, и заметил, что, если в ближайшее время больной не выздоровеет, придется купить английские лекарства. Однако юноша знал, что отец скорее умрет, чем станет их принимать.

Так и случилось: прошло немного времени, и Горпал отошел в мир, где нет ни горя, ни боли, где дни ярки, а праздник души нескончаем.

Все это время Ратна, ухаживая за умирающим, старалась быть хорошей женой: заваривала травы, вытирала с его лба пот, отгоняла от ложа мух. Она не думала ни о ребенке, ни о своей вине, ни о вдовьей доле.

Когда Горпал навсегда закрыл глаза, его жена и сын несколько минут стояли молча, потом юноша, зарыдав, припал к ногам покойного, а после повернул лицо к Ратне и очень просто произнес:

– Мы спасены!

– Теперь все решаешь ты? – тихо, словно Горпал все еще мог услышать ее, спросила девушка.

Нилам заметно сник.

– Не я, а мой старший брат.

– Но ведь он разругался с отцом!

– Неважно. Все равно отныне главный – он. Амит должен приехать на похороны, и тогда мы все узнаем.

– Что он решит?

– Неизвестно. Однако он совершенно точно не отправит тебя на костер, ведь ты ждешь ребенка! – ответил Нилам и неловко добавил: – Теперь ты можешь и даже должна объявить об этом.

– То есть ты хочешь, чтобы я сказала, что ребенок от моего мужа, твоего отца?!

– Разве у нас есть другой выход?

С полминуты они смотрели друг на друга, словно борясь взглядами. Нилам первым отвел глаза.

– Хорошо, – согласилась Ратна. – А что будет дальше?

Он повторил:

– Неизвестно. Но ты будешь жить.

Они еще постояли в ногах усопшего, однако не осмелились ни соединить рук, ни дать друг другу какие-то обещания.

[15] Гамча – кусок хлопчатобумажной ткани, используемой как шарф или полотенце.

Глава III

Дом наводнили люди, выражающие сочувствие, искреннее или притворное, делающие подношения, щедрые или такие, чтоб был только повод посмотреть на вдову и покойника.

Было объявлено, что похороны состоятся по прибытии старшего сына господина Горпала, а потому тело последнего, умащенное веществами, способными приостановить разложение, утопало в цветах и ветках вечнозеленых растений. И все же жара сделала свое дело: к концу третьего дня большинство посетителей едва сдерживались, чтобы не зажать себе нос.

Ратна вела себя стоически. Она без малейшего сожаления сняла украшения, а также цветное сари и надела белое, не думая о том, что отныне ее судьба должна стать такой же определенной, лишенной красок, что теперь ей придется существовать в странном мире между жизнью и смертью.

Голову ей пока не обрили, потому приехавшему на пятый день Амиту ничто не помешало разглядеть, как хороша его юная мачеха.

– Это она готовила? Или Диша? – спросил он Нилама, когда они сидели вдвоем за важным мужским разговором и перед ними стояли приличествующие погребальным обычаям блюда.

– Обе, – тяжело вздохнув, произнес младший брат.

– Я и не знал, что отец женился!

– Я тоже не ожидал, что такое может случиться.

– И как ты отнесся к этому?

Взгляд Амита был проницательно-острым, и Нилам смутился.

– Сперва плохо, а после… Мне казалось, Ратна чересчур молода для отца, к тому же он не слишком хорошо относился к ней.

– Бил?

Нилам едва не задохнулся от сознания собственной беспомощности и вины, но при этом довольно сдержанно произнес:

– Бывало и такое.

Наступило долгое молчание, во время которого Амит заметил, как сильно изменился младший брат – вытянулся, окреп, возмужал, а Нилам догадался, что Амиту только и надо, что поскорее завершить дела и убраться восвояси.

– Завтра похороны. Как ни жаль, Ратна должна взойти на костер, – проронил Амит.

Нилам собрал волю в кулак.

– Она в положении.

– Вот как? А это точно?

– Вроде бы да.

Амит сцепил пальцы.

– Тогда ее надо устроить у каких-то родственников – до рождения ребенка.

– Разве она не может остаться здесь?

– С тобой? Конечно нет.

У Нилама пересохло в горле.

– А что будет дальше?

– Что ты имеешь в виду? Лавка перейдет тебе, мне она не нужна, и ты это знаешь. Дом – тоже.

– Я не об этом. Я хочу знать, что станет с Ратной, когда ребенок появится на свет?

Амит задумался.

– Полагаю, ей придется отправиться в приют для вдов, какие существуют при некоторых храмах. У нас не осталось ближайшей родни, и едва ли кто-то захочет взять ее к себе.

Нилам выслушал все это, затаив дыхание.

– А ребенок?

Амит сделал большую паузу, потом раскурил хуку[16] и, не отвечая на вопрос брата, начал рассказ о себе.

Сипайский лагерь состоял из трех-четырех тысяч хижин, заменявших военные палатки. Они образовывали кварталы, обведенные водосточными канавками и отделенные мощеными переулками. Обстановка хижины состояла из постели, медного сосуда для омовения, глиняной посуды и плетеной корзины для хранения платья. Каждый сипай носил оружие, подчинялся воинской дисциплине и получал жалованье.

– А как вы живете вне службы?

– Так, как приписывают кастовые правила. Мы не питаемся из общего котла, как англичане. А когда я в увольнении, для меня готовит жена.

Нилам едва не подавился куском лепешки.

– Жена?!

Амит хранил спокойствие, присущее военному человеку.

– Да. Я женился полгода назад. Взял в жены девушку из нашей касты. Пока что она живет в городе со своими родителями.

– Ты вступил в брак, не спросив отца?! – воскликнул Нилам, забыв о том, какой проступок совершил он сам.

– Я отделился от него и начал самостоятельную жизнь. Я получаю жалованье и могу содержать семью.

За этими словами скрывалось нечто большее. Нилам понимал, что старшему брату удалось переступить некую грань, созданную суровым кастовым строем. Род занятий вайшья нес на себе печать обыденности. Они не могли посвятить себя военной службе, как кшатрии, или отдавать свое время изучению религии, как брахманы. Их участью была обработка земли – в деревнях – или торговля, если они жили в городе. Теперь же Амита окружал блеск рыцарства, не данного ему при рождении.

В порыве изумления и зависти юноша забыл, о чем спрашивал, и потому невольно отпрянул, когда старший брат сказал:

– Когда Ратна родит, мы с Кумари возьмем ребенка себе.

От растерянности Нилам едва не начал заикаться.

– Зачем он… вам?!

– А куда его девать? – рассудительно произнес Амит. – Кому нужен лишний рот? А я вполне могу воспитать младшего брата или сестру.

– А если он останется со мной?

– Нет, так не годится. Ты даже не женат.

– А когда женюсь?

Амит покачал головой.

– Ты слишком молод. Сперва научись вести дела в лавке, ведь это источник твоего существования.

– А я, – осторожно произнес Нилам, – не мог бы жениться на Ратне?

– На вдове собственного отца? Ты сошел с ума?! Конечно нет. Будь у нашего отца брат, он бы имел право взять Ратну в жены. Но только не ты. Как такое могло прийти тебе в голову!

– Я просто подумал о том, нельзя ли спасти ее от вдовьей доли, – пробормотал юноша.

– Это невозможно, – твердо заявил Амит, и судьба Ратны вместе с еще не родившимся ребенком была решена.

---

[16] Трубка.

Тело Горпала водрузили на кучу хвороста, обложенного растопкой. Языки пламени поползли вверх, и вскоре взметнувшийся вверх огонь стал виден далеко вокруг. Люди стояли плотно, но рядом с вдовой образовалось пустое пространство.

Ратна замерла, опустив голову. Она не кричала и не рвала на себе волосы – просто не могла заставить себя это делать. И думала не о покойном муже, а о своем отчаянии и рухнувших надеждах.

Горпал умер, но по счету уплачено не было. Молодой женщине предстояла разлука с ребенком – еще не появившись на свет, он уже был не ее. Теперь ей вообще ничего не принадлежало. Завтра Ратне предстояло отправиться в чужой дом, где она будет вынуждена, как печальный призрак, прятаться в дальних комнатах, молчать и есть самую простую пищу без сахара и соли.

Ей не удалось поговорить с Ниламом. Его старший брат тоже был немногословен. Она только поняла, что он вновь приедет после того, как родится ребенок, – чтобы отнять у нее самое дорогое.

Последующие месяцы Ратна провела в незнакомой семье на положении существа, которого не нужно ни видеть, ни слышать. Ее не заставляли работать, из чего девушка заключила, что эти люди, дальние родственники Горпала, получили достаточно денег. Впрочем, иначе и быть не могло.

Раз в день ей приносили пресные лепешки и воду, да иногда кто-то из женщин, сочувствуя Ратне, на свой страх и риск совал ей миску с толченой баджрой[17], слегка приправленной пальмовым сахаром.

Когда Нилам увидел ее через несколько месяцев, он был поражен происшедшей переменe. Ратна была похожа на цветок, выросший не на лугу или в саду, а в затененном углу, на горсточке почвы с каплей воды. Конец белого сари прикрывал обритую голову, лишенные браслетов запястья казались слишком тонкими, а глаза на исхудавшем лице напоминали черные провалы.

Было нетрудно догадаться, что ее душа представляет собой бесплодное поле: ни желаний, ни мечтаний, ни надежд. В руках Ратна держала небольшой сверток – плод горького опыта и обманутой любви.

Амит должен был приехать только завтра, потому ей выпала возможность поговорить с Ниламом.

Они смотрели друг на друга и чувствовали себя чужими. Ратне больше не хотелось припасть к нему в безудержном и – увы! – напрасном стремлении обрести защиту, а он воспринимал ее как гостью с того света, нежданно-негаданно и совсем ненадолго посетившую сей мир.

Нилам смотрел на живой сверток с жадностью и одновременно со смущением и страхом.

– Мальчик?

– Девочка.

– Можно взглянуть?

Ратна сделала паузу.

– Ты этого хочешь?

– Конечно.

Она показала Ниламу ребенка, вопреки всему родившегося здоровым и крепким. Девочка была прелестна: кожа – нежнейший бархат, губки – спелые ягодки, реснички – крылышки мотыльков.

– Какая красивая! – искренне восхитился Нилам. – Как ее зовут?

[17] Баджра – распространенная в Индии просяная культура, обладающая питательными свойствами.

– Анила[18]. Потому что она никому не принадлежит, – ответила Ратна и неожиданно разрыдалась. – Сделай так, чтобы нас не разлучали! Попроси, чтобы мне позволили взять ее с собой в приют или… отпустили меня на все четыре стороны! Лучше я стану просить милостыню на дорогах, чем сходить с ума от тоски по своей дочери!

На глазах Нилама появились слезы.

– Я поговорю с Амитом.

– Ты не можешь решить это сам?

Он привычно втянул плечи, словно прячась в скорлупу.

– Я ничего не решаю.

Молодая женщина не удержалась от горькой усмешки.

– Понятно.

Ночью Ратна сняла белое сари и надела другое, припрятанное еще со времен кончины Горпала под старыми циновками, куда с тех пор никто не заглядывал (все остальные ее наряды, как водится, сожгли). А еще там лежал золотой браслет – тоже осколок прежней жизни.

Молодая женщина покормила дочь грудью, чтобы Анила как можно дольше не плакала, и как следует запеленала ее. Затем она тихо вышла со двора и направилась к Гангу.

Ратна думала об открытых просторах деревень, окруженных зелеными полями молодого риса и золотыми – цветущей горчицы. О больших городах, где английским дамам требуются преданные служанки. Она надеялась где-нибудь укрыться, чтобы ее никто никогда не нашел. Она была согласна голодать и терпеть лишения, изворачиваться и лгать.

Ганг тянулся в бесконечность широкой белой лентой. Лунный свет играл на воде, пронизывал воздух. Вдоль реки застыли деревья с пышными кронами в невесомом пуху весеннего цветения. Невнятный шорох листьев звучал волшебной песней. Дальние горы высились темными громадами, сливаясь с небом и линией горизонта.

Вблизи берега покачивались лодки, а на суше дремали гребцы. Ратна знала, что здесь можно нанять лодку по сходной цене, – так всегда делал Горпал.

Одна из фигур отделилась от мрака и шагнула ей навстречу.

– Чем могу помочь, сестра?

– Мне нужна лодка. Я заплачу.

Мужчина замялся.

– И куда ты направляешься?

– Мне нужно навестить мою мать. Она живет там. – Ратна показала вниз по течению.

– Почему ты одна?

– Мой муж занят, он не может поехать.

– И он отпустил тебя? Ночью? Одну?

Ратна попятилась.

– Я заплачу.

– Дело не в этом, сестра. Мне не нужны неприятности. Приходи днем.

– Возьми! – Молодая женщина протянула браслет. – Неужели этого мало?!

На сей раз отшатнулся мужчина.

– Если явится твой муж, он отберет и украшение, и… мою свободу, а то и жизнь!

После нескольких бесплодных попыток нанять лодку Ратна ушла с берега ни с чем. Через несколько дней ее задержала полиция при попытке покинуть город пешим путем. Молодая женщина была измучена, однако отказывалась говорить, кто она и откуда, пока ей не пригрозили тюрьмой.

[18] Анила – ветер, воздух.

Приехавший Амит не стал укорять вдову отца и грозить ей наказанием. Он только сказал:

– Кумари – хорошая женщина. Она позаботится о твоей дочери и моей сестре.

Ратна не повалилась ему в ноги ни с благодарностью, ни с мольбой. Она сидела, сжав губы и уставившись перед собой. Под ее глазами залегли темные тени. Ей было всего пятнадцать[19], но сейчас она выглядела на десять лет старше.

– Почему я не могу поехать с вами? Я буду преданной служанкой вашей жене. Мне ничего не надо, я согласна на все. Только не отнимайте у меня Анилу!

Мужчина смущенно прокашлялся.

– Присутствие вдовы в доме ограничено множеством предписаний. Ты должна удалиться от мира. Да, ты не умерла вместе с моим отцом, но тебе надлежит вести себя так, будто ты находишься там, в загробном мире.

Ее глаза опасно сверкнули.

– Как такое возможно, если я – живая?!

Этого Амит объяснить не смог. Однако позже, в разговоре с братом, заметил:

– Ратну нельзя назвать покорной. Ей совершенно несвойственно смирение чувств. Мне кажется, я понимаю, почему отец был недоволен ею. Она совсем не думает о нем, о спокойствии его души, а только о себе.

– Это понятно, ведь у нее – дочь, – ответил Нилам, пряча глаза.

– Разве забота о муже, даже если он отошел в иной мир, не самое главное для женщины?

– Не знаю, – тяжело вздохнув, произнес младший брат.

– А почему ты так обеспокоен судьбой Ратны?

Уловив в тоне Амита нотки подозрения, Нилам испугался.

– И я, и она находились под властью отца. К тому же мы почти одного возраста, а потому невольно сдружились.

Старший брат выдержал многозначительную паузу, дающую понять, что он сделал определенные выводы, а после заметил:

– Пусть так. Но теперь ты должен о ней забыть.

Когда Ратну усадили в лодку, чтобы отвезти в приют для вдов, она словно окаменела. Нилам напрасно боялся, как бы она не бросилась в воду. Девушка дошла до судна, с трудом передвигая ноги; ее взгляд был остановившимся, пустым.

Сопровождавший Ратну Амит делал вид, будто не замечает ее состояния. Впрочем, Нилам не мог не признать, что старший брат проявляет большое участие в судьбе молодой женщины: ему предстояло не только отвезти ее в приют, но и сделать достойное пожертвование храму, чтобы Ратну приняли во вдовью обитель. С Нилама Амит не взял ни рупии.

По небу тянулись караваны белоснежных облаков, ветви деревьев, растущих по берегам реки, сотрясались от порывов ветра. Светило солнце, и, если прищурить глаза, казалось, будто по воде расплываются радужные пятна. Девушке чудилось, что это цветные одежды, сброшенные несчастными вдовами.

Ратна отправилась в последний путь; ей предстояло ждать конца истории, которая едва успела начаться. Самым страшным казалось то, что она должна была умереть для своей дочери. Анила вырастет, так и не узнав, какой была ее родная мать!

Заснеженных вершин больше не было видно. Жестокое солнце иссушило речные берега; пейзаж – небольшие рощицы, рисовые поля, пустынное небо, песок и пыль – казался неподвижным.

---

[19] Индийских девочек выдавали замуж с десятилетнего возраста.

Плыть пришлось довольно долго; по вечерам они приставали к берегу и ночевали в деревнях, названий которых Ратна не спрашивала. Амит беседовал с хозяевами, а она, отказавшись от еды и питья, лежала в углу, безмолвная и безучастная.

Однажды, когда они вновь очутились у какой-то пристани, Амит сказал, что это и есть конечная цель их путешествия. Огромный город протянулся по излучине левого берега Ганга. Здесь было полным-полно храмов, чьи красочные верхушки вздымались в небо. К зеленовато-коричневым водам реки спускались многочисленные каменные лестницы – гхаты, потемневшие от слоя копоти и древесного угля.

Ветер разносил аромат сандалового дерева, смешанный с запахом сожженной человеческой плоти. Мрачные носильщики опускали на ступени бамбуковые носилки с очередным трупом. Тлеющие угли и обгоревшие человеческие кости с шипением опускались на дно. Слышались молитвы брахманов и позвякивание их колокольчиков. В небе парили коршуны.

– Это Варанаси, – сказал Амит, – самое святое место Индии. Ангрезы[20] называют его Бенарес. Воды Ганга здесь имеют особую волшебную силу, они очищают душу и тело – вот почему по берегам построено столько храмов. Как говорится, если ты не можешь жить в Варанаси, постарайся хотя бы умереть в этом городе!

Он был прав: сотни паломников мылись в зеленой пузырящейся воде, заходя по грудь прямо в сари и дхоти, пили ее и набирали в медные или глиняные сосуды, чтобы унести с собой. А еще в Ганге плавали останки тех, кто не удостоился сожжения, в том числе трупы животных.

Поднявшись по лестнице, Амит отыскал храм, при котором находился приют для вдов.

Мужчины не имели права переступать его порог, потому молодой человек поговорил с одним из храмовых служителей, который пообещал позвать женщину, которая руководила приютом. По всей видимости, вдовья обитель представляла собой некую общину, расположенную на закрытой территории и ограниченную строгими правилами.

Вскоре появилась пожилая, явно многое повидавшая женщина в ослепительно-белом сари.

– Меня зовут Сунита, – сообщила она после приветствия и добавила: – Мне сказали, что вы привезли к нам молодую женщину, однако я вынуждена отказать вам: приют переполнен.

– Но нам негде ее держать. Я состою на службе у англичан, а мой младший брат еще не женат и живет один. У нас нет родственников, которые согласились бы взять к себе вдову.

– Почему, в таком случае, она не взошла на костер?

– Когда ее муж, он же мой отец, умер, она ждала ребенка, – ответил Амит и прямо заявил: – Я сделаю щедрое подношение и храму, и приюту.

Сунита склонила голову набок и внимательно посмотрела на Амита. В ее глазах появился жадный блеск.

– Вдовья обитель нуждается в деньгах. Ведь мы нечистые, да к тому же почти мертвые – нам мало жертвуют. А заработать деньги как-то иначе достаточно сложно.

Когда Амит понял, что Ратну примут, у него вырвался вздох облегчения. С этой минуты он мог забыть об отцовской вдове. Отныне ее судьба была в руках жрецов и этой суровой практичной женщины.

Сжав пальцы девушки в своей твердой ладони, Сунита потянула Ратну за собой. Та пошла, с трудом переступая ватными ногами. Она ничего не сказала Амиту и даже не оглянулась на него.

[20] Англичане.

Молодой человек подождал, пока Ратна скроется за стенами и ворота приюта навсегда захлопнутся за ней, и направился в храм, где состоялась передача денег. Потом он поспешил покинуть Варанаси, чтобы больше никогда не возвращаться сюда.

В приюте было много серого, голого и местами замшелого камня. Ни цветочка, ни деревца, ни травинки. Вдовы рано вставали и поздно ложились, много времени проводили в молитвах, а также занимались работой – носили воду, готовили, стирали. Выходить за пределы приюта позволялось только по делу, да и то далеко не всем.

– Для начала я познакомлю тебя с Соной, – сказала Сунита. – Она в самом деле настоящее золото[21]. Эта девушка чуть старше тебя, но она одна из немногих, кто умеет читать и писать, а потому ведает расходами приюта. Разумеется, под моим руководством.

Сунита привела Ратну в небольшую комнату с голыми стенами, где на джутовой циновке сидела девушка, чья внешность не оставила бы равнодушным ни одного мужчину.

Хотя волосы Соны были коротко острижены, Ратна легко могла представить ее с длинной толстой, украшенной жасминовой гирляндой косой. Равно как вместо белого вдовьего сари мысленно облачить ее в пурпурное или ярко-синее балучари[22] с широкой, богато вышитой каймой.

– Это новенькая, – сказала Сунита. – Она из Хардвара. Ее зовут Ратна.

– Садись, – приветливо произнесла Сона, и девушка присела на корточки.

– Объясни ей, что к чему, – велела Сунита.

Кивнув, Сона повернулась к Ратне:

– Значит, ты жила в Хардваре? Его еще называют вратами Ганга. Говорят, этот город часто посещают Шива и Парвати[23].

Ратна понятия не имела о таких вещах. Она сразу увидела, что эта девушка намного умнее и грамотнее ее самой. На вид ей было лет восемнадцать; ее речь звучала подобно музыке, а жесты казались такими царственными и плавными, что невольно внушали уверенность и ощущение покоя. Ратна многое отдала бы за то, чтобы подружиться с Соной.

– Давно ты здесь? – осмелилась спросить она.

– Три года.

– Так долго!

– Разве это много? Иные вдовы живут в приюте по тридцать-сорок лет.

По спине Ратны пробежал холодок, и у нее вырвалось:

– Лучше умереть раньше, чем мучиться столько времени!

Сона внимательно посмотрела на нее.

– Об этом не принято спрашивать, но… тогда почему ты не совершила сати?[24]

– Когда мой муж умер, я ждала ребенка. Это девочка, ее зовут Анила, и я была вынуждена расстаться с ней, но никогда не смирюсь с этим! А… ты?

Она произнесла эти слова не просто с отчаянием, а с невольной ожесточенностью и вызовом, тогда как голос Соны прозвучал спокойно и ровно:

– У меня нет детей. Я была третьей женой своего господина, потому на костер взошла его старшая супруга.

Ратна вздрогнула. Перед ней была брахманка! Стало быть, мечтам о дружбе сразу стоит положить конец. Ни одна из представительниц высшей касты даже не приблизится к шудре! Вероятно, эта девушка просто не знает, с кем она разговаривает.

Сона будто прочитала ее мысли.

---

[21] Сона – «золотая».

[22] Балучари – знаменитые красочные сари из Бенгалии.

[23] Шива – один из богов верховной триады, наряду с Брахмой и Вишной. Парвати – его божественная супруга.

[24] Сати – ритуал самосожжения вдовы на костре покойного мужа.

– Если ты думаешь о кастах, забудь. Мы умерли, потому все равны. В этом – наша единственная свобода.

– Но не для тебя! – вырвалось у Ратны. – Ведь ты выше других, ты – брахманка!

– Здесь, – сказала Сона, – я – никто.

В эту фразу было вложено слишком многое, чтобы Ратна могла возразить.

Глава IV

Со временем Ратна поняла: несмотря на то что в приюте они были вынуждены влачить существование в убийственной духовной пустоте, строгом покаянии, самобичевании и тяжком труде, многое зависело от характера каждой из вдов. А нрав Ратны был слишком живым и непокорным, чтобы она могла смириться с тем, что ей уготовано.

После трех месяцев пребывания в приюте юной вдове позволили выйти за ворота, чему она была несказанно рада. Разумеется, речь шла не о развлечениях, а о работе. Ратна давно заметила, что, невзирая на слова Соны о равенстве вдов, кастовые различия соблюдались даже здесь. Так, например, готовили чаще всего брахманки, дабы не вкушать пищу из рук низших каст, а стирали шудры.

Ратна не ожидала, что так сильно обрадуется, увидев потоки мутной пенящейся воды и алую, как пробор замужней женщины, линию горизонта. Варанаси был расположен на левом берегу Ганга, солнце всходило за рекой, и его первые лучи били в лицо тем, кто явился сюда для молитвы.

На восходе солнца сотни индийцев совершали ритуальное омовение, набирали воду из Ганга, а иные даже окунались с головой. Священная река была главной притягательной силой Варанаси. Жить в этом городе, каждое утро с благоговейным трепетом окунаться в воды Ганга, одновременно приветствуя солнце, – в этом заключался самый прямой и верный путь к духовному спасению.

Многочисленные прачки волокли тюки грязного белья, а потом били его о гладкие камни и раскладывали вдоль берега под палящим солнцем белые дхоти и пестрые прямоугольники сари. Что-то светлое, радостное и непередаваемо земное исходило от людей, для которых река была не только священным, но и удобным местом для стирки.

Ратна держалась в стороне – вдовы считались нечистыми; согласно поверью, встреча с ними могла принести несчастье.

Она долго стирала белые сари, стараясь выполнить работу как можно лучше. А пока одежда сохла, присела отдохнуть.

Здесь, на берегу священного Ганга, перед Ратной словно представала вся Индия с ее крайностями – чрезмерным богатством и ужасающей нищетой, поразительной красотой и непередаваемым уродством. Она видела бритоголовых брахманов, распевавших молитвы, и жалобно стонущих калек; в ноздри бил запах мочи, перемешанный с ароматом благовоний.

В какой-то миг Ратна заметила спускавшегося по лестнице юношу, который показался ей прекрасным, как Кришна [25], хотя, в отличие от темнокожего бога, он обладал достаточно светлым для индийца лицом. Его тело поражало гибкостью и стройностью, большие миндалевидные глаза мерцали, как угли на ветру, а кудри были похожи на охапку черных цветов. Ему была свойственна неуловимая утонченность, но при этом в нем угадывалась мужская сила.

Ратна бессознательно любовалась его красотой, а он, подойдя к воде, опустился на колени и принялся плескать себе в лицо, не заботясь о том, что мутные брызги попадают на новую и чистую одежду.

Как всякая индианка, девушка достаточно хорошо разбиралась в жестах, чтобы понять: этот человек не благодарит небесную реку[26], он пытается что-то смыть – вину, отчаяние или

---

[25] Кришна – земное воплощение бога Вишну. В индийской культуре наибольшую популярность приобрел образ Кришны-любовника, соблазняющего пастушек звуками волшебной флейты.

[26] Согласно индуистской мифологии, небесная река Ганга, спустившись на землю, стала рекой Ганг, почитаемой индусами как священная и являющейся объектом паломничества.

позор. Когда он повернулся, Ратна увидела, что его глаза обведены темными кругами, а губы бледны. Его красота уже не казалась ей столь чистой и совершенной.

По дороге в приют она задавалась вопросом: кто он? Если он богат, то почему пришел один, без слуг? Следуя привычке, Ратна приписывала благородную внешность представителям высших каст, а некрасивую – низших.

О том, как выглядит она сама, девушка старалась не думать. В приюте не было зеркал, да и какой от них толк, если голова обрита, а тело обернуто тканью цвета смерти!

Ратне очень хотелось с кем-то сблизиться, подружиться, поговорить о своей дочери, но на прошлую жизнь, как и на тесное общение вдов, был наложен негласный запрет. Каждая обитательница приюта была вынуждена предаваться воспоминаниям и переживать свое горе в одиночку. Общими были только хозяйственные дела да забота о немощных старухах. То был дом скорби – вся его суть отражалась в названии.

Девушке по-прежнему нравилась Сона, но, несмотря на всю приветливость, та держалась отстраненно; впрочем, не только с Ратной. У этой юной красивой вдовы было много хлопот, на фоне которых стирка и приготовление пищи казались чем-то простым, не требующим особых способностей или ума.

Сона ежедневно ломала голову над тем, как прожить на скудные средства, причем не только ей, а всем вдовам. Ратна это знала и потому очень обрадовалась, когда ей представилась возможность пополнить приютскую казну. Однако она ошиблась в том, что золотая дорожка станет путем к сердцу Соны.

Солнце выплыло из-за горизонта, коснулось водной глади и принялось подниматься по невидимой лестнице, чтобы к полудню залить пламенем храмы, вознесшиеся своими верхушками к небу в вечной безмолвной мольбе. Ветер пел свою бесконечную песню, волнуя кроны деревьев. Густые клубы дыма от погребальных костров струились вдоль Ганга.

Протащив тяжеленную корзину по ступенькам, Ратна решила передохнуть и тут увидела запомнившегося ей юного красавца. Сегодня на нем была другая одежда, но его жесты и выражение лица были такими, как в первый раз.

Девушка с любопытством наблюдала за ним и, когда он поднялся с колен, не успела отвести взгляд.

– Простите, господин, – пробормотала она, верная врожденной привычке преклоняться перед высшими кастами.

– Почему ты назвала меня господином? – медленно произнес он и, не дождавшись ответа, спросил: – Ты живешь в приюте при храме?

– Да.

– А сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

– Всего лишь?! И много вас там?

– Да, много. И молодых, и старых.

Юноша смотрел на груду застиранных сари у нее в корзине.

– Вы, вероятно, бедствуете?

Ратна замялась, не зная, что сказать. Заметив это, он протянул ей кошелек, не забыв приложить другую руку к груди и слегка поклониться. Его манеры показались девушке столь изысканными, что ее душа затрепетала.

– Едва ли это облегчит вашу скорбь, но наверняка немного поможет приюту.

Ратна приняла подношение и долго смотрела вслед юноше, жалея, что не осмелилась спросить, кто он такой. В то утро она стирала небрежно, потому что спешила вернуться обратно.

Девушка застала Сону в ее каморке – та склонилась над какой-то книгой. Умение читать и писать казалось Ратне чем-то священным: она не понимала, как можно извлекать слова из всех этих черточек и закорючек, похожих на букашек и червячков!

Увидев девушку, Сона поспешно спрятала переплетенный в кожу том. Ратна знала, что в числе прочего в приюте запрещено держать книги. Все, что должны были знать вдовы, им говорили жрецы на ежедневных молитвах.

– Вот, – сказала Ратна, кладя кошелек на циновку, – это для приюта.

В ее взгляде светилась гордость за то, какую пользу она, оказывается, способна принести обители скорби. Сона взяла кошелек без удивления и улыбки и раскрыла его. Выражение ее лица изменилось.

– Где ты это взяла?

Ратна набрала в грудь побольше воздуха. Вот она, разница! Вечно голодная шудра просто примет деньги, а благородная брахманка непременно поинтересуется, откуда они взялись.

– Мне дал один человек. Там, на берегу, когда я стирала белье.

Взор собеседницы похолодел.

– Разве ты не знаешь, что вдове запрещено разговаривать с посторонними? Это был мужчина?

– Да, – пролепетала Ратна.

Сона поджала губы.

– Ты совершила серьезный проступок.

– Я просто хотела помочь приюту. У нас мало денег. Мне кажется, этот человек пожертвовал их от чистого сердца.

– Почему ты уверена, что он их не украл?

– Он не был похож на вора. Очень красивый и хорошо одетый молодой господин.

Сона едва заметно усмехнулась.

– Это ни о чем не говорит. Нельзя судить о людях по внешнему виду. А если он хотел помочь приюту, то пусть бы отнес деньги в храм.

Ратна молчала, однако ее взгляд был красноречивее всяких слов. Многое ли из пожертвованного храму доставалось вдовам? Как и другие люди, жрецы считали их нечистыми и выделяли им ровно столько средств, чтобы те не умерли с голоду.

Она не понимала Сону. Неужели в угоду правилам эта прекрасная девушка готова есть чечевицу, в которой кишат черви!

– Что я должна сделать? – наконец спросила она.

– Отнести их обратно.

Ответ прозвучал, как удар грома, и Ратна прижала руки к груди. В этом жесте были несогласие, мольба и горькое непонимание шудры, для которой даже мелкая монета была подарком судьбы. И у нее против воли вырвалось:

– Нет!

– Почему?

– Потому что на эти деньги можно купить муку, чечевицу и рис. И новую ткань для сари.

Хотя взгляд Соны по-прежнему оставался строгим, Ратне почудилось, что в душе брахманки зародились сомнения.

– А как я объясню это Суните?

– Не надо ничего объяснять. Спрячем деньги и будем брать понемногу – никто не заметит.

– Ты предлагаешь лгать?

Ратне почудилось, что Сона ее испытывает, но она все же сказала:

– Я не вижу другого выхода. Я знаю, что это очень поможет приюту. Ведь у нас много пожилых, больных, истощенных женщин. А одежда некоторых так прохудилась, что я не представляю, как ее стирать!

– И все же я не уверена, что можно принять эти деньги, потому что не знаю, каким способом они заработаны.

– Тогда пойди со мной и сама поговори с тем, кто их дал.

– С мужчиной?

– Это просто человек, который захотел нам помочь, – ответила девушка и добавила: – А мы вовсе не женщины, мы – вдовы. Никто не смотрит на нас иначе.

Ратна не была уверена в том, что ей удастся уговорить Сону, но, к ее радости и удивлению, та все-таки согласилась.

Следующим утром они отправились на берег. Здесь уже пробуждалась яркая, многоцветная жизнь. Несколько примостившихся на лестнице женщин деловито и ловко плели гирлянды. Их окружал цветочный аромат, а темно-красные, кремовые, шафрановые и солнечно-желтые краски радовали глаз. Однако закутанная в белое Сона не обратила на них никакого внимания. Ратну в очередной раз поразила ее холодная отстраненность истинной брахманки.

Она не ждала столь счастливого совпадения, но оно свершилось: юноша был тут. Ратна без колебаний подошла к нему и поклонилась.

– Господин! Со мной Сона-джи. Она ведает расходами приюта и хочет знать, где вы взяли деньги, которые дали мне вчера.

Взглянув на Сону, юноша поразился. Он увидел то, что был способен увидеть человек, умеющий чувствовать: чистую душу, жаждущую света, однако замкнутую в стенах, не имеющих выхода. Тоскливую рассеянность и странную усталость, порождающую медленную походку; суровую определенность, угнетающую до пронзительной боли. Вместе с тем эта девушка была красива той красотой, какую не способно победить даже время, а только смерть. Причем настоящая, а не мнимая.

Он взволнованно произнес:

– Я их не украл, если вы имеете в виду именно это! Я служу у белых господ и получаю жалованье. Пожалуйста, примите мое подношение. Мне будет приятно, если эти деньги послужат добру. Я просто хочу помочь приюту.

Услышав, что он всего лишь слуга, Ратна испытала разочарование. Неужели перед ней шудра? Нет, его манеры опровергали это. С другой стороны, любой простой индиец, поступающий на службу к белым, мнит себя выше своих собратьев по касте. Украдкой взглянув на руки юноши, Ратна решила, что едва ли он зарабатывает деньги тяжким трудом.

– А почему? – не сдавалась Сона.

– Потому что все это несправедливо. Вы не сделали ничего дурного. Вы страдаете безвинно.

В его словах было что-то пронзительное и искреннее, заставившее Сону содрогнуться и, возможно, впервые усомниться в том, что она считала незыблемым.

Кошелек остался у юных вдов. Всю обратную дорогу Сона молчала, а Ратна думала о том, что слова юноши перекликаются с ее собственными мыслями. Не случайно она ни единой минуты не посвятила тому, чтобы попросить у богов прощения за свои прегрешения. Те самые прегрешения, о коих ее спутница ничего не знала, а узнав, наверняка пришла бы в ужас.

Подумав, что ей нечего терять, Ратна спросила Сону:

– У тебя есть родители? Где они?

– Были. Они живут в Матхуре, на родине Кришны.

– Они умерли?

– Нет. Это я умерла для них.

– Почему ты не осталась в своей семье?

Наступила пауза, во время которой слышалось лишь тихое шуршание шагов босых ног по раскаленным каменным плитам.

Потом Сона ответила:

– Они слишком сильно меня любили. Они никогда не смогли бы соблюсти то, что пристало содержанию вдовы.

– И они согласились отправить тебя в приют?!

– Это было нашим общим решением.

Ратна подумала, что, будь ее воля, она бы ни за что не поехала во вдовью обитель! В отличие от брахманов, шудра рождается только однажды и может воплотить свои желания лишь в этой жизни. Увидеть и обнять свою дочь, а быть может, еще раз насладиться запретной лаской мужчины, который так и не сумел стать ее защитником, но которого она еще не забыла.

– Ты любила?

Это вырвалось против воли. Сона изумилась.

– О чем ты?!

– Ты любила мужчину? – повторила Ратна и, испугавшись, что позволила себе слишком многое, добавила: – Своего мужа?

– Господина? Я уважала его, как и принято, но… что такое любовь?

Ратна вспомнила древний как мир восторг от слияния душ и тел, порождавший нечто более сильное, чем совесть и здравый смысл.

Вероятно, в супружеской жизни Соны не было ни радости, ни глубины, а ее поведение объяснялось вовсе не скорбью по умершему супругу – она всего лишь следовала обычаям. И вместе с тем она тоже осмелилась нарушить запрет: под ее циновкой была спрятана книга.

Ратне было приятно, что отныне их, брахманку и шудру, соединяет некая тайна, хотя сама Сона наверняка не придавала этому особого значения.

Ратна сочла возможным и даже нужным еще раз поблагодарить юношу. После этого случая они всегда здоровались и иногда болтали, хотя это и было запрещено.

– Как тебя зовут? – как-то спросил он.

– Ратна. А вас?

– Обращайся ко мне запросто, я не сахиб[27]. Меня зовут Арун, и ты можешь обращаться ко мне Арун-бхаи[28].

Арун – «красота восходящего солнца!» Его имя как нельзя лучше подходило к его внешности. Ратне хотелось верить, что душа юноши тоже светла и чиста.

– Разве это возможно? Я вдова, и нас все презирают! – с некоторым вызовом произнесла девушка.

Он задумался.

– Прежде я относился к вам, как и все другие индийцы. Но потом услышал, что говорят об этом белые. Они не всегда неправы. Вы не должны страдать только из-за того, что ваши мужья умерли раньше вас!

Ратна опустила голову.

Я шудра, и меня не испугаешь лишениями. Я могу питаться хоть каньджи[29]. Я мучаюсь, оттого что меня разлучили с дочерью.

– У тебя есть дочь?!

---

[27] Господин.

[28] Бхаи – брат, обращение к лицу, равному по положению.

[29] Каньджи – кислый рисовый отвар, обычно используемый в деревнях как пойло для скота.

Арун выглядел потрясенным до глубины души.

– Да. Ее взял к себе старший сын моего покойного мужа.

– Как можно отнимать у женщины ребенка!

Они помолчали, глядя на тихие воды Ганга, великую колыбель жизни, реку, на берегах которой границы, отделяющие мир живых от мира мертвых, стираются и теряют свой смысл. Потом Ратна промолвила:

– Не будем об этом. Лучше скажи, у тебя есть семья?

– Родители, братья и сестры. Они живут не здесь. Я тоже не из этого города. Я пришел в Варанаси в поисках лучшей доли.

– Ты нашел ее?

– Как сказать? Я могу отсылать родным достаточно денег, чтобы они не нуждались. Мои сестры могут выйти замуж, потому что теперь у них есть приданое.

Ратна чувствовала, что Арун не хочет говорить о себе. Девушка не могла отделаться от подозрения, что за блистательным ореолом, окружавшим этого юношу, скрывается некая тайна, причем не очень красивая.

А еще она догадывалась, что он вспоминает Сону. Когда он впервые ее увидел, его изумленный и просветленный взгляд сказал довольно много.

Как-то раз он и в самом деле спросил о ней:

– Как поживает твоя подруга? Почему она не приходит на берег?

– Мы не подруги, потому что она брахманка. И нам запрещено покидать приют просто так.

– Эта девушка слишком красива, чтобы коротать свою жизнь в обители скорби! – отрезал Арун.

В его тоне звучало глубокое сожаление, но не было и тени смирения. Ратна поняла, что в жизни Соны появился человек, готовый во что бы то ни стало избавить ее от вдовьей доли. К сожалению, это казалось невозможным.

А потом в приют пришла болезнь. Конечно, они недоедали, пили плохую воду и спали на циновках, сквозь которые ощущался голый пол, но, вероятнее всего, кто-то из них заразился за воротами приюта и принес смертельный недуг в его стены. Все начиналось с недомогания и тошноты, а заканчивалось кровавым поносом, жаром, потерей сознания и смертью.

Храмовые жрецы прочитали молитвы, но они не помогли. Сона купила у почтенного брахмана каких-то толченых корней, но и они не возымели действия.

Когда Ратна пожаловалась Аруну на неожиданное бедствие, он сказал:

– Надо попробовать английские лекарства.

– Но они дорого стоят, да и где их взять?

– Не думай об этом. Я принесу. Только у меня одна просьба.

– Какая?

– Пусть за ними придет… Сона-джи.

– Я постараюсь ее уговорить.

– Я буду ждать! Приходите вместе.

Ратна быстро шла по каменному помещению, разделенному деревянными перегородками. В душных тесных закутках с соломенными подстилками, глиняными плошками и ветхим тряпьем ютились вдовы. Клетушки никогда не пустовали: стоило кому-то умереть, как это место тотчас занимала новая женщина.

Сона была у себя. Она всю ночь возилась с больными и теперь решила немного передохнуть. Когда Ратна вошла, девушка привычным жестом набросила край сари на свои короткие волосы. Ратна вновь поразилась прекрасной форме ее кисти, длинным пальцам и бледно-розовым овальным ногтям.

В других закутках чаще всего пахло так, как обычно пахнет там, где живут неопрятные, опустившиеся люди, одолеваемые болезнями и телесными нуждами. Но в жилище Соны витал легкий аромат благовоний, и здесь было чисто, хотя ей и приходилось убираться самой, чего в миру представительницы высшей касты почти никогда не делали.

Ратна охотно прислуживала бы брахманке, но не решалась об этом сказать. Зато она рассказала о лекарствах, и, к ее радости, Сона не стала возражать. Вероятно, в чем-то и она была способна дойти до точки и уповать на разум и чувства, а не на долг.

При появлении девушек Арун вскочил со ступеней. Ратна смотрела то на него, то на Сону. Два юных прекрасных необычных человека могли бы стать друг для друга волшебным зеркалом, если б Соне пришла в голову хотя бы тень подобной мысли. Что касается юноши, Ратна без труда уловила в его взоре особый огонь – отражение жара любящего сердца.

Арун передал девушкам какие-то порошки и объяснил, как их нужно принимать.

– Жаль, что мы не можем вас отблагодарить, – произнесла Сона со своим обычным отстраненным видом.

Он встрепенулся.

– Нет, сможете! Обещайте, если лекарство подействует, вы придете сюда еще раз. Я буду ждать каждый день в этот час.

– Я вдова, и мне запрещено общаться с посторонними.

Он сложил ладони.

– Простите, если я вас обидел, но мне бы очень хотелось узнать, помогут ли порошки.

Ничего не сказав, Сона повернула обратно, а Арун послал Ратне просительный, почти умоляющий взгляд. Она едва заметно кивнула.

Лекарства подействовали. Жизнь нескольких вдов была спасена, а поскольку зараза перестала распространяться, то же самое можно было сказать обо всех остальных.

Ратна вошла к Соне поздним вечером. Огонек в углу ее клетушки напоминал крохотного светлячка, угнездившегося на просторах ночи. Сона склонилась над раскрытыми страницами. На сей раз она не стала прятать книгу под циновку, лишь заложила страницу сухим цветком и подняла глаза на гостью.

– Что это? – спросила Ратна.

– Одна из книг «Махабхараты»[30], сказания о тех временах, когда жизни людей и богов свободно пересекались. Это единственное, что я взяла с собой из родительского дома.

– Книга тебе помогает? – догадалась девушка.

– Да. Благодаря «Махабхарате» я все еще не сошла с ума. Читая эту книгу, я переношусь в ее волшебное царство.

– Там есть про любовь?

– Да, есть. Но больше про стойкость и верность долгу, – ответила Сона и вдруг сказала: – Я знаю, что нарушаю правила.

– Я делала это намного чаще, – заметила Ратна. – Просто я шудра, нам приходится постоянно бороться за жизнь.

– Я поняла, что ты намного смелее меня. В моем мире все и всегда решали только мужчины.

– Тогда почему бы тебе не подчиниться воле и желанию одного из них?

– Кого ты имеешь в виду?

– Аруна. Он просил тебя прийти.

---

[30] Знаменитое произведение древней Индии, включающее в себя целую серию эпических повествований, новелл, легенд и притч. Центральное место занимает сюжет о соперничестве двух династий царского рода Бхарата – потомков Куру и сыновей Панду.

– Я не обязана это делать. Он чужой для меня.

– Но он нам очень сильно помог. Будет невежливо не откликнуться на его просьбу.

– А если Сунита узнает, что я разговаривала с мужчиной, да еще не однажды, меня ждет суровое наказание. И тебя тоже.

– Разве ты не сказала ей про лекарства белых?

– Нет. Я давала их женщинам под видом порошка из кореньев, купленных у индийского лекаря.

Неожиданно для себя Ратна несказанно обрадовалась. Несмотря на внешний аскетизм, Сона была обычным живым человеком, способным принимать рискованные решения и уклоняться от правил.

А еще Ратна поняла, что Арун и Сона похожи не столько своей красотой, сколько одной особенностью: ни он, ни она никогда не улыбались. В глазах обоих застыла давняя печаль. Но если поведение девушки было вполне объяснимо, то о юноше Ратна ничего не знала.

Утром они с Соной пошли к Гангу. Прохладная вода была розовой, как лепестки нежнейших цветов, тончайшая рябь походила на зари[31], а шелест легких волн напоминал шепот приложенной к уху раковины. В высоком небе медленно таяли облака и кружились птицы. Люди непрерывным, но пока еще редким потоком спускались к реке. Аруна среди них не было.

– И где же он? – спросила Сона.

– Не знаю. – Ратна выглядела расстроенной. – Он обещал прийти!

– Почему ты ему веришь?

– Он сделал для нас то, чего не делал еще никто, причем бескорыстно.

– А если нет? Может, ему что-нибудь нужно?

– Что именно?

Сона не нашлась что ответить.

Девушки присели на ступеньку. У их ног плескался Ганг, река, которая великодушно принимает и очищает все, в зеркале которой можно прочитать ответ на любой вопрос.

– По утрам он всегда находил время прийти на берег, – сказала Ратна. – Странно, что он не был занят в доме.

– Быть может, он не слуга, а скажем, музыкант или танцовщик?

– Разве брахман может заниматься такими вещами? – усомнилась Ратна.

– Нет. Но он не брахман. В нем очень много приобретенного, – ответила Сона.

Как истинная представительница высшей касты, она мгновенно и без труда отделяла врожденное от наносного.

Через некоторое время девушки решили вернуться в приют: обеих ждала работа. Когда они поднимались по гхатам, Ратна повернула голову и, бросив взгляд на реку, произнесла:

– Старший сын моего покойного мужа сказал, что лучше всего умереть здесь, в Варанаси, потому что это святейший из всех святых городов, но я… не хочу умирать, потому что еще не жила.

– Я тоже, – неожиданно прошептала Сона.

Взгляды двух юных вдов встретились, и в них впервые промелькнула искра взаимного понимания.

[31] Зари – шелковые нити, пропитанные серебром или золотом, которые используют в вышивке или вплетают в саму ткань.

Глава V

К середине XIX века Индия превратилась в грандиозный источник сырья. Ост-Индская компания экспортировала хлопок, сахар, индиго и опиум. Две последние культуры крестьяне сеяли принудительно.

Британцы приезжали в страну с единственной и вполне конкретной целью – нажить состояние. Большинство из них относилось к местным жителям с презрением, как к людям низшего разряда. Одни считали Индию полудикой страной, населенной невежественным, забитым народом, другие впадали в иную крайность, воспринимая ее как землю, полную чудес, неисчерпаемых богатств и диковинной роскоши.

Супруги двух высокопоставленных чиновников компании были ошеломлены какофонией звуков, горами мусора, невыносимой вонью, толпами суетящихся, непривычно смуглых, зачастую полуголых людей.

Все это царило на берегах величайшей индийской реки, воды которой казались мутными, грязными, источающими заразу.

Кроме того, обнаружилось, что пища здесь чересчур остра, солнце буквально прожигает кожу и, что самое скверное, днем с огнем не сыскать белых слуг.

Губернатор, на приеме у которого они в отчаянии пожаловались на неудобства, успокоил дам:

– Вы привыкнете. Первое время моя супруга чувствовала себя точно так же. Сейчас она гостит у родственников в Англии, но я советую вам поговорить с госпожой Флорой Клайв. В свое время именно эта женщина помогла нам воистину бесценными советами. Она прожила в Индии не один десяток лет и прекрасно знает эту страну и ее обычаи.

– Она леди?

– Миссис Клайв – опиумная королева, – ответил губернатор, а когда дамы испуганно захлопали глазами, со смехом добавил: – Нет-нет, не в том смысле! После смерти мужа ей достался пакет акций торговой компании, а в придачу – опийная фабрика. На нее работает куча народа, а сама Флора Клайв живет, как рани.

Айрис Маколей и Вивьен Синклер решили послушаться совета, послав миссис Клайв свои карточки, и вскоре получили приглашение.

Дом опиумной королевы оказался настоящим дворцом. Особняк сверкал полированным мрамором, а ворота кованого железа с украшениями в виде вздыбленных львов поражали воображение.

Дамы ожидали увидеть увешанную звенящими украшениями и завернутую в яркие ткани экстравагантную особу, но их встретила типичная английская вдова. Наглухо застегнутое черное платье, гладко причесанные седые волосы, бледная кожа, голубые водянистые глаза, тонкие губы создавали впечатление чопорности и строгости.

Обстановка дома сочетала в себе традиционное с экзотическим. Вероятно, нельзя было прожить в Индии столько лет и не поддаться ее веяниям.

Хотя вдоль стен выстроились книжные полки темного дерева, а время отмеряли старинные часы, в особняке нашлось место и накрытым вышитым бархатом диванам, и толстым узорчатым коврам, и золотым чашам для ароматических масел, и серебряным светильникам с фитилями, распространявшими индийские благовония.

Когда Флора Клайв попросила дам рассказать о путешествии, те не удержались от жалоб на всевозможные тяготы. Терпеливо выслушав их, она спросила:

– А как вам страна?

Айрис и Вивьен переглянулись.

– Мы представляли ее другой. Здесь столько зловония и грязи! Мы буквально боимся до чего-то дотронуться, – призналась одна из них.

А другая добавила:

– Господин губернатор сказал, что вы сумеете нам помочь.

Губы Флоры тронула улыбка, но ее глаза сохранили холодноватое выражение.

– Могу, но несколько в ином смысле, чем вы думаете. Прежде всего оставьте мысли о превосходстве всего английского над индийским. Многие белые люди, приехав сюда, считают ниже своего достоинства изучать культуру и обычаи этого народа. Между тем их язык, философия, литература куда древнее всего, что знаем мы, города больше и красивее, чем наши, а ремесла великолепны. Я прожила в Индии сорок лет и уже не представляю, что на свете есть еще какие-то земли и страны.

– А слуги? Вы нанимаете индийцев? Они надежны? Насколько мы поняли, с белой прислугой тут совсем плохо.

– Полагаю, надо вас чем-нибудь угостить, – промолвила Флора, не отвечая на вопрос, и добавила: – Не беспокойтесь, я в том возрасте, когда вредно употреблять острую пищу.

Она позвонила в колокольчик. Через несколько минут в зале появился юноша в белой курте[32] с подносом в руках. Он бесшумно прошел по ковру и аккуратно поставил поднос на резной деревянный столик.

– Это расгулла, – сказала Флора, показывая на аппетитные ноздреватые шарики, – а еще попробуйте ласси и паеш[33].

Айрис занялась лакомствами, тогда как Вивьен обратила внимание на слугу. У того был золотистый оттенок кожи, ресницы подобны стрелам, а брови будто крылья птиц в парящем полете. Все его движения казались отточенными, грациозными, как у танцовщика; он смотрелся живым украшением комнаты.

– Твоим родственникам помогли лекарства, о которых ты просил? – как бы между прочим спросила Флора у юноши, и тот, почтительно кланяясь и не поднимая глаз, ответил на хорошем английском:

– Благодарю вас, мэм. Я еще не получил известий.

– Ладно. Иди.

Флора небрежно махнула рукой. Когда слуга удалился, Вивьен восхищенно произнесла:

– Вижу, вы относитесь к ним как к родным!

– Иногда приходится. Собственно, для нас, британцев, индийцы и есть «усыновленные дети»!

– И многие из них знают английский? – поинтересовалась Айрис.

– Нет, но они легко и быстро обучаются. Конечно, среди индийцев есть и плутоватые, и вороватые – тут уж как повезет! Однако они умеют быть благодарными.

Флора Клайв долго потчевала дам увлекательными рассказами о традициях и обычаях местного населения, а под конец заметила:

– Если вы не сумеете полюбить Индию, вам придется очень трудно. Но если вам это удастся, она откроется вам как волшебный сундук с несметными ценностями.

– Скажите, – с воодушевлением произнесла Вивьен, – здесь случаются чудеса?

Флора ответила с легкой усмешкой:

– Конечно. Если б этого не было, я бы тут не жила.

Признав в хозяйке дома настоящую английскую леди, дамы были в восторге и пообещали зайти еще. Между тем Флора Клайв ни за что не выдала бы им своей тайны. На самом

---

[32] Курта – длинная рубаха свободного покроя.

[33] Ласси – напиток на основе йогурта, воды, сахара, фруктов и специй, паеш – сладкий пудинг из риса, молока и орехов.

деле она происходила из низов, родилась в лондонских трущобах, выросла в нищете и грязи. Она бы закончила свои дни так, как их заканчивали многие девушки, если б не была практичнее, терпеливее, дальновиднее и умнее других.

После нескольких лет строжайшей экономии на грани голода и других лишений Флоре удалось оплатить проезд на корабле, следующем в далекую Индию. К сожалению, она не встретила там султанов, живущих во дворцах, облицованных яшмой и ониксом, зато ей удалось соблазнить немолодого сладострастника Ральфа Клайва, к концу жизни сумевшего сколотить немалое состояние.

Флора сделала ставку на то, что в те времена юные хорошенькие англичанки в Индии были наперечет, и не прогадала. Несколько лет душевных и телесных мучений – и она обрела свободу. Она так и не успела подарить супругу наследника, однако не горевала об этом. В Лондоне осталась ее младшая сестра, но Флора никогда о ней не вспоминала и не пыталась связаться.

Вот уже много лет миссис Клайв думала только о своей персоне и жила исключительно для себя. Сумев приобрести необходимый лоск и обладая большим богатством, она с успехом дурачила местное «высшее общество».

Остаток дня пожилая женщина провела как обычно: читала, предавалась размышлениям, просматривала документы и почту, гуляла в саду. А потом наступило время, по сравнению с которым все минувшие часы казались бледной тенью чего-то по-настоящему стоящего.

С наступлением сумерек Флора прошла в свою спальню, где стояло широкое, воистину царское ложе, по которому подобно пестрым островам были разбросаны шелковые подушки. Сняв с себя черное вдовье платье, женщина подошла к низкому столику, на котором помимо золотого кальяна с длинной изогнутой трубкой лежала простая бамбуковая хукка с мундштуком на конце. Здесь же стояла коробочка с темно-коричневыми шариками. Это был опиум.

Глубоко затянувшись, Флора закрыла глаза и медленно выпустила из ноздрей белый дым.

Тысячи алых цветов плавали в знойном мареве полдня. Воздух был наполнен гуденением насекомых; сладкий запах дурманил и навевал сон. Флора видела маковые поля давным-давно, но сейчас она словно стояла посреди одного из них.

Она сделала ровно столько затяжек, сколько потребовалось для того, чтобы тело наполнилось восхитительной слабостью, а мысли перенеслись в более яркий, совершенный мир, где юность подобна вечнозеленому венку, надетому на шею очередной пастушки, с которой забавлялся любвеобильный Кришна.

Положив трубку на место, Флора подошла к большому зеркалу. В нем отразилась девушка в полупрозрачной ночной сорочке, облегавшей гладкое стройное тело, с длинными распущенными волосами насыщенного каштанового оттенка, пленительным взором, обещавшим избавление от всех горестей и бед, и улыбкой, которая выдавала желание расправить крылья и взлететь.

Вдоволь налюбовавшись собой, Флора протянула руку и позвонила в колокольчик.

– Кришна! – в страстном нетерпении позвала она за секунду до того, как порог спальни переступил юноша.

Тот самый, которого молодые англичанки видели днем, только сейчас он был совершенно голый.

Флора дышала отрывисто и поверхностно. Если несколько опиумных затяжек лишили женщину ощущения времени и места, то вид прекрасного юношеского тела сделал ее почти невменяемой. Она сумела взять себя в руки лишь колоссальным усилием воли.

– Немного, – предупредила хозяйка, подавая индийцу трубку, – иначе расслабишься. А мне нужна твоя сила!

Он сделал несколько коротких затяжек, а потом Флора потянула его на ложе. На мгновение ей почудилось, будто она покидает собственное тело. Впрочем, так оно и было: она оставляла свою плоть и превращалась в ту девушку, какой была сорок лет назад. Никто не сумел проделать такого фокуса – обмануть время! – а она смогла. Проведя молодые годы в постылых объятиях старого мужа, не познавшая ни любви, ни страсти, она яростно наверстывала упущенное, благо возраст надежно защищал ее от слухов и сплетен.

На какое-то время губы, язык и руки юного любовника стали центром ее существа.

– Сегодня я хочу быть девственницей, соблазненной богом Кришной! – простонала она.

Он исполнил ее желание, как исполнял всегда, жаждала ли она покорности, грубости, нежности или нетерпеливой страсти.

Сама Флора тоже в точности следовала игре. Она никогда не делала лишь одного – не заглядывала в глаза юноши, ибо там могла увидеть свое истинное отражение и прочитать свой приговор. Однако нынче она помимо воли сделала это и узрела в них древний как мир восторг мужчины, который жаждал только ее, одну ее.

Флора не знала, что опиумные пары воссоздали в воображении юного любовника образ женщины, являвшей собой воплощение его грез. И он взял ее в теле той, которая была не девушкой, а старухой. На протяжении ночи они еще несколько раз курили опиум, после чего он овладевал ею так, как она желала и приказывала. А после оба провалились в глубокий сон.

Флора всегда ненавидела утро, суровую реальность, неизменно приходившую на смену упоительным грезам. Теперь ей вновь было шестьдесят, а не двадцать.

Однако она не спешила отсылать своего юного любовника, ей надо было с ним поговорить. Тогда как тот явно спешил и нервничал, поглядывая в окно. Флора это заметила.

– Куда ты торопишься?

– Хочу умыться в Ганге.

– Это подождет. Нужно кое-что обсудить.

Он посмотрел на нее со скрытой мольбой, надеясь, что она не потребует утренних ласк, что было выше его сил.

– Я помню, – начала Флора, – как подобрала тебя маленьким оборванным паршивцем, не имевшим ничего, кроме редкой красоты, на которую, впрочем, никто другой не обратил бы внимания. Я отмыла тебя, обучила, пригрела, и какое-то время ты не чаял себя от счастья. А потом обнаглел.

– О чем вы? Я всегда исполнял все ваши желания! – тихо произнес он.

– Сперва – с подобострастием, а после – со снисхождением. Я могу называть тебя богом в любовных играх, но никогда не потерплю этого в реальности!

Юноша откинулся на подушки. Его тело казалось расслабленным, бессильным.

– Отпустите меня! – в отчаянии прошептал он.

– Отпустить тебя?! – Флора приподнялась на локте, и в ее глазах сверкнула злоба. – Нет! Ты останешься со мной до конца моей жизни! Если будешь послушным, перед смертью я кое-что тебе отпишу. А если попытаешься сбежать… Ты видел маковые плантации, работал на опийной фабрике? Нет? Так увидишь и поработаешь. Или я скажу, что ты украл у меня украшения и деньги, и тогда ты сгниешь в тюрьме!

С этими словами она отвесила юноше такую пощечину, что на его глазах появились слезы.

– Ты меня понял?! – в бешенстве вскричала Флора.

– Я понял, мэм, – прошептал юноша и с поклоном поцеловал протянутую морщинистую руку.

– Я тебя прощаю – благодаря минувшей ночи. Ты был великолепен. Ступай к своему вонючему, грязному Гангу, да сгниют в нем кости всех индийских брахманов, как и всех священных коров!

Когда юноша ушел, Флора натянула на себя покрывало, дабы проспать до полудня. Позже другой слуга, не исполнявший обязанности любовника, подаст ей несравненный индийский чай масала с хрустящими коричневыми треугольничками – лепешками-парота и ароматной зардой[34].

Арун понимал, что не сумеет скрыть последствий употребления опиума, не успеет смыть с себя запах Флоры, так же как избавиться от неуверенности, стыда и раскаяния, и все-таки поспешил на берег в надежде встретить Ратну и Сону.

Увидев, как девушки поднимаются навстречу по каменной лестнице, он сложил ладони в приветственном жесте.

– Намасте!

Они остановились. Сзади струился Ганг, воды которого казались покрытыми миллионами сверкающих чешуек. Солнце изливало потоки ярких лучей, и в их сиянии растерзанный вид юноши был особенно заметен.

– Намасте. Но мы уже уходим.

– Я опоздал, – потерянно произнес он и добавил: – Возможно, вы уделите мне хотя бы несколько минут?

Ратна молчала, понимая, что Арун хочет поговорить не с ней, а с Соной.

– Чего вы от нас хотите? – спросила та. Он и сам не знал, как у него вырвалось:

– Мне нужна ваша помощь!

Сона слегка отстранилась.

– Помощь? Разве я могу вам помочь?

– Можете! – выдавил он и неожиданно пошатнулся: от спешки и еще не выветрившихся опиумных паров у него закружилась голова.

– Давайте присядем, – предложила Сона.

Арун кивнул. У него был тупой, помертвевший взгляд, запекшиеся губы и темные круги под глазами.

– Я вернусь в приют, – заметила Ратна. – Отвлеку Суниту.

И, не оглядываясь, пошла наверх.

– Вы брахманка, – сказал Арун Соне, когда они спустились к воде и сели на ступени, – вы выше всех, и вам не должно быть дела до других каст… И все-таки я хотел бы…

– Это не так, – мягко перебила Сона. – Мои родные всегда говорили, что главное в жизни – это понимание. Я выслушаю вас, даже если вы признаетесь, что принадлежите к неприкасаемым.

– Нет, мои родители – вайшья, правда, деревенские, а не городские. У меня много братьев и сестер, и мы всегда очень бедно жили. Потому, когда мне исполнилось тринадцать, я отправился в Варанаси на поиски лучшей доли.

Сона внимательно слушала, и Арун продолжал рассказывать, воскрешая в памяти восторг от вида священного города, сверкающего красками и вибрирующего звуками, и встречу с белой женщиной, неожиданно выглянувшей из богато убранного паланкина.

– Она была немолода, если не сказать, стара, и сперва я не подозревал ничего такого. Думал, просто поступаю в услужение. Госпожа Флора многому меня научила: хорошим манерам, английскому языку. Она всегда повторяла, что ей не нужен дикарь. Так продолжалось два года, и только потом я узнал, что меня просто купили, как покупают вещь, а главное – осознал, для чего она это сделала. Для любовных утех, как говорила сама госпожа Флора.

[34] Чай масала – чай со специями, зарда – десерт из риса, орехов, молока и специй.

Понимая, что едва ли она может быть для меня хотя бы чуточку привлекательной как женщина, она прибегла к помощи зелья. Поначалу я был в ужасе, а потом подумал: накурюсь опиума и все забуду. Зато мои родители наконец разогнут спину, а сестры получат приданое. Так и случилось и продолжалось довольно долго. А после я встретил вас и окончательно понял, насколько отвратительно то, что я делаю. Я продаю свою молодость и внешность, тогда как ваша красота навеки заперта в приюте для вдов!

К своему облегчению, Арун не увидел на лице Соны ни тени отвращения. Она не произнесла осуждающих слов, а только сказала:

– Но при чем тут я и моя судьба?

– Вы и есть та самая женщина, к которой отныне устремляются все мои помыслы и мечты.

Арун смотрел ей в глаза. Сона не шевельнулась, не отвела взгляда, и выражение ее лица не изменилось. Концы ее белого сари казались крыльями птицы, присевшей отдохнуть, грудь мерно поднималась и опускалась, и лишь на высокой шее тревожно билась тонкая жилка.

– Но вы не можете…

– Это происходит помимо моей воли. Ваше лицо, ваш взгляд преследуют меня повсюду. Вы дивно прекрасны даже в этом белом сари!

Сона пыталась взять себя в руки. Она не знала, что делать. Вскочить и убежать? Немедленно вернуться в приют, придумав по дороге, что сказать Суните? Девушка остро ощущала присутствие мужчины, которому она желанна. То была не старческая похоть ее мужа, или женщины, о которой поведал ее собеседник, а нечто сильное, страстное и чистое, как священный огонь!

Сона чувствовала, как ее душа невольно откликается на безмолвный призыв юноши, и это вызвало в ней величайшую растерянность и почти панический страх.

Она с трудом осознала, что единственное спасение заключается в том, чтобы не выйти из роли внимательной слушательницы, спокойной и мудрой советчицы.

– Почему вы решили рассказать о себе?

– Потому что минувшей ночью произошло нечто страшное. Вместо госпожи Флоры я представил вас и… Невозможно так пачкать свою любовь!

Он закрыл лицо руками и покачал головой. В эти минуты он мог показаться жалким, но Сона ощущала не презрение, а что-то совсем другое. К своему величайшему изумлению, ей хотелось прижать его голову к своей груди и погладить по густым волосам. Произнести слова понимания и утешения.

– Не терзайте себя. Уходите оттуда.

– Я бы так и сделал, но, чтобы избавиться от нее, мне надо покинуть Варанаси. Госпожа Флора – очень могущественная женщина, ей ничего не стоит отыскать меня. Она постоянно угрожает, что обвинит меня в краже, даже если я ничего у нее не возьму.

– Тогда вам надо поехать в другое место. Индия – большая страна, и в ней много городов.

– Я не могу вас покинуть. Если бы вы согласились бежать со мной, я был бы счастлив! Хотя после того, что я вам рассказал, меня можно только презирать.

У Соны задрожали руки, и она поспешно спрятала их в складках сари.

– Я знаю, что ваше признание потребовало от вас большого мужества, и я ценю вашу искренность. Далеко не каждый сумел бы так поступить. Дело не в вас, а во мне. Я не могу бежать вместе с вами, потому что я вдова и закончу свои дни в приюте.

– Так я вам… не безразличен?

Взгляд его потухших глаз неожиданно загорелся, и Сону будто пронзило насквозь. Пелена спала, и она вдруг увидела правду. Разом утратив самообладание, девушка поднялась и заговорила взволнованно и отчаянно:

– Не говорите так. Нельзя нарушать то, что незыблемо! Обещайте, что больше не будете искать встреч ни со мной, ни с Ратной. У нас будут большие неприятности, мы можем понести наказание не только от старших вдов и жрецов, но и от самих богов! Неужели вы этого не понимаете?!

Когда она принялась поспешно взбираться по крутым ступеням, Арун крикнул ей вслед:

– Сона! Я дал приюту заработанные мною грязные деньги в надежде, что это хоть как-то поможет мне очиститься от скверны! Боги не остались равнодушными – они подарили мне любовь, и теперь я знаю, что она меняет все.

Глава VI

Рожденная в семье брахманов, Сона с детства слышала о том, что, дабы удержаться на высшей ступеньке бытия, человек должен соблюдать чистоту не только в поступках, но и в помыслах. Еще при жизни высшая каста пытается победить свою плоть, убить в себе все земное ради торжества духовного.

Девушка поняла, что совершила падение и в делах, и в мыслях. Боги послали ей испытание и искушение в лице Аруна, и она потерпела сокрушительное поражение. Оставалось одно: покаяться. Сона отправилась к Суните и во всем призналась.

Выслушав девушку, та помрачнела.

– Ты разговаривала с мужчиной? Когда и где это произошло?

– На лестнице, ведущей к Гангу.

– Этот мужчина пытался тебя соблазнить?

– Нет. У него было тяжело на сердце, и он решил довериться мне.

– Но почему именно тебе?

– Не знаю, – ответила Сона, слегка покривив душой.

– Зато я знаю. Потому что ты красива, а еще ты – вдова. Многие мужчины думают, будто вдовы – это те же вешья[35]. Ни один честный человек не станет искать общения с посторонней женщиной! Почему ты поддержала разговор?

– Потому что он искал помощи.

– Уверена, что он думал о другом. Ты совершила серьезный проступок, Сона, и я должна посоветоваться со жрецами. А пока тебе запрещено покидать приют.

Девушка покорно склонила голову.

– Хорошо.

Зарядили дожди. Они шли вот уже несколько суток; с потолка начало капать, на стенах поселилась плесень, а на полу собирались лужицы воды. Некоторые обитательницы приюта, запертые в сыром и холодном каменном помещении, начали кашлять.

Сона потеряла аппетит и с трудом заставляла себя проглотить горсть чечевицы. Ее терзало не ожидание наказания, а нечто куда более страшное. Она только сейчас начала понимать, что в определенном смысле ее жизнь кончена.

Когда Ратна зашла к ней, чтобы узнать, не заболела ли она, Сона, поколебавшись, рассказала, что во всем призналась Суните.

– Но я ведь тоже говорила с Аруном, и ты познакомилась с ним из-за меня. Тогда меня тем более должны наказать! – воскликнула Ратна.

– Нет. Я старше тебя и дольше живу в приюте. Мое поведение нельзя ни объяснить, ни простить.

– Ты не сделала ничего плохого!

Сона опустила голову.

– Я поняла, что в моей душе больше нет прежнего смирения и чистоты.

– У меня их никогда не было! – вырвалось у Ратны. – Когда мы молились в храме, я не слушала жрецов, я думала о своей дочери.

– Возможно, если б у меня был ребенок, я поступала бы точно так же, – ответила Сона, и тогда Ратна сказала:

– Я родила дочь не от мужа. Еще при жизни своего супруга я вступила в связь с его младшим сыном.

---

[35] Вешья – в индуистском тантризме – женщина, у которой при виде предметов культа возникает сексуальное желание. Вешьи живут при храмах и участвуют в сексуальных ритуалах, посвященных Шакти и Шиве.

Девушка ждала осуждения и презрения, но собеседница всего лишь спросила:

– Почему ты это сделала?

Ратна подумала, что Сона никогда не осудит человека с ходу, и, как истинная брахманка, постарается вникнуть в суть вещей.

– Потому что влюбилась в Нилама. Муж бил меня, и у нас не было супружеских отношений. Я вообще не понимаю, зачем он на мне женился.

– Не знаю, можно ли оправдать твой поступок любовью, – задумчиво произнесла Сона. – В песнях о ней говорят как о силе, которая движет миром. В любом случае эта история осталась в прошлом, сейчас тебя не за что судить. Иное дело – я. Ведь для вдов любовь к мужчине запретна. Мы должны помнить о своих мужьях.

Ратна не осмелилась сказать, что в ее душе и сердце любовная история не похоронена и не забыта, и не нашла в себе решимости посоветовать Соне не отказываться от Аруна, если он ей действительно нравится.

На третий день Сунита позвала Сону к себе и сказала:

– Жрецы приняли во внимание, сколько пользы ты принесла приюту и принесешь еще. Они не станут судить тебя слишком строго. Ты должна отправиться в храм и подробно рассказать, о чем тебе поведал тот мужчина.

В глазах девушки появился испуг.

– Но я не могу!

Сунита не поверила своим ушам.

– Как это не можешь?

– Человек доверился мне, и я не должна передавать его признание другим людям!

– Полагаю, это нечистая тайна?

– Не важно, какая это тайна. Главное – она не моя.

– Если ты откажешься, жрецы не смогут тебя простить, – сурово произнесла Сунита. – У тебя есть время до завтра. Подумай.

Когда она ушла, Сона опустилась на циновку. Снаружи стонал и метался ветер, и в душе у нее было не лучше. Теперь она жалела о том, что не возлегла на шамшан[36] рядом со своим мужем.

Она полагала, что в приюте у нее не будет выбора, но оказалось, если человек жив, выбор все равно остается. Его лишены только мертвые. Так же, как и надежд.

Никто не видел, как Сона вышла из своего закутка, а потом выскользнула из ворот приюта. Она верила в то, что смерть мужа приписывается к серьезным проступкам женщины в одном из ее прежних существований, как не сомневалась в том, что в грядущей жизни ее ждет все та же вдовья участь.

Сона не была согласна только с одним, с тем наказанием, которое для нее определили жрецы, даже если им казалось, что они проявили не суровость, а милосердие.

Небо было темным от грозовых туч. Иногда в редких просветах появлялись бледные звезды, похожие на чьи-то заплаканные глаза. Запах реки заглушал все остальные запахи, а шум дождя – все другие звуки.

Холодный ветер пронизывал тело Соны. Ее босые ступни скользили по камням, отполированным за долгие годы десятками тысяч ног. Безлюдный берег скрывала темнота, но девушка хорошо знала дорогу. Да и куда еще могли привести гхаты, кроме как к последнему пристанищу измученных тел?

В то время как она спускалась к воде по широкой крутой лестнице, Арун стоял в гостиной особняка Флоры Клайв с пустой чашкой в руке. Он собирался унести ее, но задержался, слушая свою покровительницу.

---

[36] Шамшан – погребальный помост из деревянных брусьев, на котором сжигают умерших.

– В Англии дождь другой – это я еще помню. Он похож на тонкую сеть, а облака напоминают клочки ваты. Серые промозглые дни надолго берут душу в плен. В Индии же ничто не бывает унылым, во всем проявляются сила и страсть. – Сказав это, Флора зевнула. – Сегодня лягу спать пораньше. В иные вечера не может быть ничего лучше, чем чашка горячего чая и теплая постель.

Услышав это, Арун облегченно перевел дыхание. Значит, он проведет ночь один. Однако женщина была начеку.

– Только не думай, что я окончательно постарела. Просто уж очень ненастная нынче погода и у меня разболелась голова. Кстати, мне пришла на ум одна идея. Надо как-нибудь пригласить сюда молодую проститутку или лучше двух. Мне будет интересно понаблюдать за вашим совокуплением!

У Аруна так сильно задрожали руки, что серебряная ложечка несколько раз звякнула о чашку. Вспоминая о разговоре с Соной, он чувствовал себя отвратительно. Кто же начинает знакомство с женщиной с таких чудовищных, постыдных признаний! Не иначе опиум развязал ему язык, а демоны вложили в уста предательские слова. И теперь его ждет очередное унижение – новая прихоть Флоры.

Молча повернувшись, юноша вынес посуду. Когда он вернулся, старуха разворачивала газету. Многие годы пресса служила для нее единственной связью с утраченной родиной, по которой она, впрочем, нисколько не тосковала.

– Смотри-ка! – сказала она. – Британское правительство рассматривает закон о повторном замужестве индийских вдов! Давно пора положить конец этим диким обычаям самосожжения или удаления от мира до конца жизни после смерти супруга!

– Это правда?

– Да. Если только индийцы согласятся соблюдать этот закон. Вполне возможно, он останется мертвой буквой. Ведь если речь идет о варварстве, вы на редкость упрямы. Не хотите получать счастье из наших рук!

С трудом дождавшись, когда Флора уйдет к себе и уснет, Арун выскользнул из особняка через черный ход и направился к задней калитке. Несколько дней назад он тайком сделал оттиски с ключей, которые стянул у Флоры, пока она лежала, одурманенная наркотиком, и попросил мастера изготовить дубликаты. Он хотел быть уверенным в том, что сумеет в любую минуту покинуть особняк.

На улице лил дождь и свистел ветер. В такую непогоду никто не заметил исчезновения юноши, а тот спешил по улицам, причудливо переплетенным, словно корни огромного дерева, не страшась ни ливня, ни даже молнии, порой сверкавшей так ярко, что чудилось, будто наступил Дивали[37].

Когда одна из вдов приоткрыла маленькое решетчатое окошко, она не поверила своим глазам. За воротами стоял мужчина! Он был совершенно мокрый; одежда облепила тело, с волос текла вода. Однако он не был похож на нищего, потому женщина спросила:

– Что вам надо?

Она ожидала ответа, что он заблудился, но юноша сказал:

– Я хочу увидеть Сону.

– Сону? Вы ее родственник?

– Нет, но…

– Это запрещено. Мужчинам нельзя сюда входить.

Окошко захлопнулось. Арун продолжал стоять перед воротами, потому что просто не знал, куда ему теперь идти. Он не напрасно задержался: створки со скрипом приоткрылись, и юноша увидел… Ратну.

---

[37] Дивали – праздник огней в честь богини Лакшми.

– Ты! – обрадованно воскликнул он, но девушка не улыбнулась.

– Арун-бхаи, Сона исчезла! – взволнованно произнесла она. – Я искала, но ее нигде нет!

– Давно она пропала?

– Не знаю. Я боюсь, как бы не случилось самое худшее!

– Оставайся в приюте, – решил Арун. – Я постараюсь ее найти.

Он поспешил к Гангу под неутихающим дождем. На берегу не было ни души. Несколько лодок качались на приколе, рискуя быть сорванными. Шум вспученной, бурлящей воды оглушал, но бешеный стук сердца в груди был гораздо сильнее.

Позднее Арун говорил, что Сону спасло ее белое сари, хорошо заметное в темноте. Не успев броситься в воду, девушка поскользнулась на ступенях и упала. Ударилась о камни и осталась лежать, захлестываемая волнами.

Тонкая безжизненная рука погрузилась в воду. На голове с начавшими отрастать волосами виднелась ссадина. Бледные губы были скорбно сжаты, а веки печально закрыты.

Арун подхватил на руки ту, которую хотел защитить, чью боль желал уничтожить, и в отчаянии огляделся. В стороне, чуть выше гхатов, сгрудились лачуги. Когда их сносило водой, нищие обитатели складывали стены снова – из всего, что попадется под руку. Юноша поспешил туда, надеясь найти приют.

В одной из хижин Арун обнаружил двух женщин. К счастью, у них была медная жаровня, от которой шло тепло. Когда с Соны стянули мокрое сари и принялись растирать руки и ноги, она застонала, а потом закашлялась. Женщины укрыли девушку. Тряпье было ветхим, зато сухим, и вскоре она согрелась.

Открыв глаза, Сона увидела Аруна, который смотрел на нее с невыразимой нежностью.

– Ты жива!

– Я умерла.

– Пусть так. Ты умерла, сбросила в Ганг старую оболочку вместе с бременем кармы и можешь начать все заново, если только захочешь, – промолвил юноша, а поскольку девушка молчала, спросил: – Почему ты хотела утопиться?

– Я призналась Суните, что говорила с вами, а она передала это жрецам. Те велели мне пересказать им наш разговор. Я не могла этого сделать, и вместе с тем мне нельзя было их ослушаться.

Арун был потрясен ее великодушием и порядочностью. Он подумал, что его душа напоминает вывернутую наизнанку грязную одежду или пересохший колодец. Чистота этой девушки казалась чем-то беспорочно светлым и недосягаемо высоким. Как он осмелился отягощать ее совесть постыдными признаниями!

– Вы зря меня спасли, – добавила Сона. – Как я теперь вернусь в приют?

– Не возвращайся! – теряя голову, пылко воскликнул Арун. – Хотя ты брахманка, а я вайшья и недостоин целовать следы твоих ног, я все же прошу тебя уйти со мной! Английское правительство готовит закон, разрешающий вдовам повторно выходить замуж. Прошу, не отталкивай меня! Я люблю тебя! Будь моей! Прими от меня мангалсутру![38] Даже если откроется, что ты была вдовой, белые нас защитят.

Взяв руку девушки в свою, он слегка сжал ее, нежно погладил, а потом покрыл поцелуями.

Когда Сона посмотрела на него, Аруну почудилось, будто его душа взмыла ввысь, ибо, несмотря на нерешительность, сомнения и страх, в глубине ее взора словно зажглось маленькое солнце.

– Так ты согласна?

[38] Индийское свадебное ожерелье, аналог обручального кольца.

– Не знаю, – прошептала девушка, но юноша видел, что она просто не может сразу сказать «да».

– Оставайся здесь. Я заплачу этим женщинам. Мне надо… немного подготовиться. А еще зайти в приют и предупредить Ратну, что ты жива. Она очень беспокоилась о тебе. Надеюсь, Ратна нас не выдаст.

– Нужно взять ее с собой.

– О да! Я согласен.

– Ратна хочет найти своего ребенка, и мы должны помочь ей.

– Конечно, мы это сделаем.

Арун знал, что ему надо вернуться до того, как на востоке загорится небо, а воды Ганга пронзят солнечные лучи, а еще – что он должен быть очень хитрым и осторожным.

Прошло два дня. Сона оставалась в хижине на берегу. Услышав о плане Аруна, Ратна сразу же согласилась бежать. Юноша принес в приют белую дупатту[39] Соны, которую якобы нашел на берегу, из чего Сунита и другие вдовы должны были заключить, что девушка утонула. Причина тоже была ясна: она не вынесла вдовьего бремени и поддалась пагубным страстям.

Найти тело Соны не представлялось возможным. Ганг, бурный после прошедших ливней, стремительно мчал свои воды к океану, увлекая за собой упавшие деревья, обломки смытых с берега хижин и плохо привязанных лодок, всякий хлам, мусор и грязь. Его неумолчный рокот разносился далеко вокруг. Поднявшаяся до средних ступеней гхатов вода гневно крутилась и бурлила.

В это время года Флора Клайв всегда ощущала свой возраст: у нее болела голова и ломило спину. Она покуривала опиум, но на время отказалась от любовных утех. И крайне удивилась, когда Арун сказал:

– Мне нужно цветное сари, а лучше два. А еще – длинные искусственные волосы.

– Это называется парик. И зачем они тебе? Для кого?

– Для меня.

Флора издала смешок.

– Ты хочешь стать похожим на хиджру?[40]

– Нет. Просто если вы желаете, чтобы я совокуплялся на ваших глазах с женщиной, то почему бы мне не проделать то же самое с мужчиной?

– Что это с тобой? – насторожилась Флора. – Никогда не замечала в тебе подобных наклонностей!

– Я уже все попробовал. Все, кроме этого.

– Ты изменился, – заметила женщина, и в ее голосе прозвучало сожаление.

– Я повзрослел.

– Сними одежду.

Арун с легкостью проделал это, оставшись в одной набедренной повязке. Флора обошла его со всех сторон, прикасаясь то тут, то там к гладкой золотистой коже и твердым мускулам.

– Да, ты уже не мальчик. Ты стал красивым молодым мужчиной. Хотя таким ты мне тоже нравишься, но… Помню, когда я впервые приказала тебе раздеться, ты так смутился и испугался, что заплакал. А потом я развратила тебя и пристрастила к опиуму.

Арун вздрогнул. Опиум. Он не подумал о том, что, возможно, первое время ему будет трудно без него обходиться! Впрочем, если с ним будет Сона, он преодолеет все, что угодно.

---

[39] Дупатта – длинный широкий шарф, которым прикрывают голову или плечи.

[40] Хиджры – одна из особых каст, в которую входят представители «третьего пола». Физически это мужчины (часто – кастраты) или гермафродиты, которые одеваются и ведут себя, как женщины.

– Хорошо, – сказала Флора, – я закажу парик. Тогда, наверное, нужны и браслеты?

– Да, и браслеты.

– Мы вдоволь повеселимся!

– Я тоже так думаю, – ответил Арун, стараясь скрыть жесткий блеск своих глаз, которые старуха называла глазами Кришны.

Ратна пребывала в радостном предвкушении. Ей казалось, будто она пересекла пропасть между живыми и мертвыми и выбралась на спасительный берег.

Жрецы были правы в одном: нет ни истинного рождения, ни вечной смерти, существует лишь жизнь, жизнь в настоящем, за которое она цеплялась, как всякая шудра. Это для брахманов всякое земное благо является препятствием к постижению высших миров, а низшие касты ценят реальность, какой бы суровой она ни была.

Увидев, как быстро в приюте забыли Сону, девушка укрепилась в своем решении. Сунита запретила вдовам упоминать имя той, которая оказалась плохой женой, не захотевшей поддержать пребывание супруга в вечном блаженстве. Обязанности Соны перепоручили кому-то другому. А Ратна почти каждый день отправлялась стирать, и в ее положении сбежать было проще простого. В один из ближайших дней Арун придет за ней на берег, и она без сожаления покинет мир белых фигур, каменных стен, скудной пищи и непонятных запретов. И наконец-то вернет себе право самой вершить свою судьбу.

Соне же каждую ночь снилось, как гребень из слоновой кости в ее руках скользит сверху вниз, от макушки до самых кончиков волос, струившихся подобно темной воде. То было одно из величайших женских наслаждений, какое она не испытывала уже три года.

Арун принес парик. Он был сделан великолепно, и юноша сказал, что, если во время свадебного обряда она прикроет фальшивые волосы палу[41], ни жрец, ни кто-либо другой ничего не заподозрят.

Несмотря на все волнения, Сона удивилась бы, узнав, как мало она размышляет о трудностях и перипетиях грядущей жизни в сравнении с той же Ратной. Уверенность и забота Аруна окутали девушку, словно волшебное покрывало, защитившее ее от внешнего мира. Соне нравилось, что ей не надо ни о чем думать, да и Арун постоянно напоминал ей об этом.

Если Сона со вздохом говорила, что была плохой женой, юноша смеялся:

– У тебя будет возможность стать хорошей!

А если она сетовала, что слишком быстро уступила его уговорам, он отвечал:

– Любовь – не унылое тление, а жаркое пламя, оно не должно разгораться долго.

Иногда девушка успокаивалась до такой степени, что ей чудилось, будто она просто-напросто перенесется на невесомом вимане[42] в лучший мир, сияющий и радостный.

Отчасти виной тому была прежняя жизнь Соны в богатом родительском доме, где ее все любили и баловали. А также три невыносимых года, проведенных ею в приюте. Можно быть стойкой до определенного момента, а потом наступает неминуемый прорыв. Сона только сейчас начала понимать, что, не встреть она Аруна и не впусти в свое сердце любовь, ее доля напоминала бы участь быков, которые ходят по кругу, приводя в движение мельничные жернова.

Девушка знала, что никогда не сможет вернуться к родителям, потому что даже они не сумели бы понять ее поступка. Для них она умерла, и отныне ее единственной семьей должны были стать Арун и Ратна.

Арун предложил Соне представляться диди[43] Ратны, но последняя воспротивилась. Не дело шудры считаться сестрой брахманки, тем более они совсем не похожи. Она хотела

---

[41] Паллу – свободный конец сари, который женщины обычно накидывают на голову, как шаль.

[42] Виман – мифическая воздушная колесница.

[43] Диди – старшая сестра.

назваться служанкой, но против этого возразила Сона. Девушкам, разделившим нелегкую участь вдов, не пристало играть роль госпожи и прислуги.

– Тогда, – сказал Арун, – Ратна будет моей сестрой.

На том и порешили.

Когда Ратна появилась в хижине, одетая в простое полотняное, но не белое, а цветное сари, в дешевых, но весело звенящих, будто колокольчики на ветру, браслетах и прикрывавшей стриженую голову дупатте, Сона так обрадовалась, что обняла ее.

А потом Арун привел полуслепого жреца, такого старого, что казалось, будто он с головы до ног посыпан пеплом. Он был похож на лесного отшельника, который питается только кореньями, или аскета, живущего подаянием набожных почитателей.

Жрец читал ту же ведическую мантру, какая произносилась во время первого бракосочетания Соны, когда тяжелые от золотых браслетов руки невесты были до локтей разрисованы хной, на грудь свисало ожерелье в семь рядов, когда ее окружали несколько сотен свадебных гостей в ярких нарядах.

Теперь на женихе и невесте была простая одежда и скромные венки, а на свадьбе присутствовали только Ратна да две бедные женщины, приютившие Сону в своей хижине.

Девушка не смела наслаждаться моментом соединения судеб, а юноша все еще не мог поверить в случившееся.

Когда жених и невеста кормили друг друга сладостями, глаза Аруна сияли радостью, любовью и страстью, опущенные ресницы Соны подрагивали, а щеки пылали от смущения.

Брачная ночь откладывалась, потому что с наступлением темноты им предстояло покинуть Варанаси. Хотя это вполне соответствовало трем дням воздержания[44], Арун предпочел бы не ждать. Но он дал себе слово быть хитроумным и осторожным. А Сона поневоле вспоминала свою прежнюю жизнь.

Когда она выходила из спальни после ночи, проведенной со своим престарелым мужем, то стыдилась смотреть в глаза окружающим, потому что казалась самой себе осквернённой прикосновениями его дряблых рук и слюнявыми поцелуями. Не говоря уже о другом.

Может, лингам, детородный орган Шивы, и являлся символом божественной мощи, но мужской был создан для женских мучений. Хотя на свете наверняка существовали женщины, которым казалось иначе.

Поняв, что Арун исчез, Флора Клайв пребывала в бешенстве. Решив обвинить молодого индийца в краже, она обратилась к начальнику местной полиции (он именовался суперинтендантом) и рассказала о случившемся.

– Он взял у вас деньги, мэм? – спросил тот, приготовившись подробно записывать ответы.

– Да, деньги и украшения.

Арун в самом деле прихватил с десяток рупий, но драгоценности не трогал. А еще он стащил у Флоры бумагу с ее личной печатью и подписью и сочинил для себя отличную рекомендацию.

– Вы не можете предположить, куда он отправился?

– Кто его знает! К родителям? Едва ли. Он зачем-то взял из моего дома парик с длинными волосами и сари. Возможно, он решил присоединиться к хиджрам?

– Так этот юноша – евнух?

– Как бы не так! – Глаза Флоры сверкнули злостью, и она выпалила, не думая о том, что может выдать себя: – Это великолепный образец молодого самца!

[44] Согласно обычаю, новобрачные должны были в течение трех суток после бракосочетания воздерживаться от интимных отношений.

Начальник полиции пообещал сделать все для поимки индийца, и женщина поехала домой. Войдя в казавшийся опустевшим особняк, Флора Клайв заскрежетала зубами, а после произнесла, словно клятву:

– Ты украл нечто большее – мою возвращенную молодость! И ты поплатишься за это!

Потом она поднялась в свой кабинет и села за стол, охваченная внезапным намерением написать в Лондон своей младшей сестре Этель. С большим опозданием Флора возжелала хоть как-то заполнить неожиданно возникшую в жизни пустоту.

Глава VII

При каждом взмахе весел вода вспыхивала холодным блеском. Огромная белая луна, освещавшая путь, двигалась по усыпанному звездами небу, будто диковинный воздушный корабль.

Троица беглецов, нарушителей вековечных законов и запретов, плыла по Гангу в гуфе – круглой лодке, сплетенной из ивняка. Этот план предложил Арун: покинуть город так, чтобы никто не видел и не знал, когда, куда и как они исчезли. Гуф был куплен у какого-то бедняка, которого никто не станет расспрашивать. Удалившись на значительное расстояние, беглецы собирались затопить лодку и потом следовать сушей.

Ратне не верилось, что она направляется в Хардвар, где вновь увидит Нилама. Она заставит его сказать, где найти Амита, и заберет свою дочь.

Впрочем, сейчас она думала не о будущем, а о настоящем: о том, не перевернется ли лодка, смогут ли они благополучно причалить к берегу. Она ни о чем не спрашивала, но, чувствуя ее волнение, Арун заверил, что справится: он родился на берегу реки и в детстве часто плавал в гуфе.

Сона молчала, лежа на дне лодки. Казалось, она потеряла чувство времени, ее мысли растворились в ночи, и она не видела перед собой ничего, кроме великолепных небесных чертогов. Но такое забвение было только на пользу.

На рассвете они причалили к какому-то берегу. Кругом простирались желто-серые поля, вдали виднелась кучка приземистых, наполовину скрытых деревьями хижин.

При виде деревянного колеса с привязанными к ободу глиняными кувшинами, каким испокон веков подавалась вода на посевы, тащивших соху быков и тощих, словно высушенных зноем крестьян в набедренных повязках или рубахах из кхаддара[45], Арун почувствовал ностальгию. Едва ли ему когда-то доведется увидеть своих родных! Юношу успокаивало лишь то, что он сделал для них все, что мог.

Путники отправились в деревню. Они так устали, что даже не разговаривали.

Захолустное селение казалось сонным. Узкие улочки были зажаты глинобитными стенами, кое-где виднелись старинные колодцы. В пыли возились полуголые дети и бездомные собаки. Найдя более-менее приличный дом, Арун попросил у хозяев приюта до следующего утра.

Как всегда, рупии открывали любые двери. Пока женщины приводили себя в порядок и отдыхали, Арун узнал, где можно нанять повозку, и прикинул маршрут. Им предстоял долгий путь с остановкой в разных местах. Сейчас прежде всего нужно было добраться до ближайшего крупного города.

Когда он вернулся, Сона и Ратна выглядели оживленными и посвежевшими. Пища была простой, а вода не слишком вкусной, но они радовались и этому. Остаток дня беглецы обсуждали подробности грядущей поездки и возможные трудности. А потом наступила ночь.

Конечно, Арун куда охотнее уединился бы с Соной не здесь, но выбирать не приходилось. Поскольку в этом чужом доме было слишком много народа, ему пришла в голову мысль переночевать в саду под большим фиговым деревом.

Он взял подушки и циновки, и Сона беспрекословно последовала за ним. В брачной ночи, проведенной под пологом звездного неба, таилось что-то возвышенное и судьбоносное, пусть даже в воздухе разносилось не только благоухание цветов, но и запах сжигаемого навоза, используемого бедняками вместо топлива.

---

[45] Кхаддар – грубая ткань ручного производства.

Арун все еще терзался своей опрометчиво выданной тайной, тогда как Сона смотрела на него совсем другими глазами. Ее жизнь в печальном вдовьем царстве была схожа с существованием жалкой сухой травинки в выжженной солнцем степи.

Теперь же в жизни Соны вновь появился мужчина, «земной бог женщины», и она отдала свою судьбу в его руки. Девушка знала, что всегда будет помнить о том, что он взял ее в жены без единой рупии приданого. Она не могла принести в дар мужу даже свою девственность.

А еще у нее были острижены волосы, а под кожей проступали ребра, поскольку, как и положено вдовам, Сона ела один раз в день – пресные лепешки или ничем не приправленную чечевицу. Да и этой скудной пищи никогда не было вдоволь.

Арун же впервые ложился с женщиной, для овладения которой ему не был нужен ни опиум, ни мучительные усилия над собой. Он мечтал, как они ночь за ночью станут отдаваться взаимной страсти, не заботясь о том, чем это оплачено и что ждет их впереди, и думая лишь об одном: как продлить эти мгновения до бесконечности!

– Ты рада? – смущенно произнес Арун, взяв жену за руку.

– Да. Теперь у меня есть все.

– Кроме домашнего очага, богиней которого ты должна стать. Я надеюсь, скоро у нас появится и дом, и все остальное.

Сона кивнула. Она ни о чем не расспрашивала, просто смотрела на мужа, всецело доверяя ему. Он был человеком, не только вызволившим ее из пут вдовства, но и принявшим на себя груз ее вины. Ее благодарность была безмерной. Впрочем, как и любовь.

Арун размотал ее сари и перед тем, как перейти к чему-то более интимному, взял лицо Соны в ладони и заглянул в глаза, словно хотел увидеть ее душу. Прочитав там безмолвное согласие, порывисто и крепко прижал девушку к груди.

Сона никогда и ни перед кем не раздевалась полностью, а сейчас на ней не было даже нижней юбки и чоли[46]. Так хотел ее муж, и она покорялась ему. Его ладони двигались по ее коже, будто две лодки по глади воды. Сона впитывала каждое прикосновение Аруна и внимала ему, но не радостно, а испуганно и тревожно. Осознав ее неопытность и почувствовав страх, он исполнился нежности и ласкал ее трепетно, осторожно, почти целомудренно.

Их тела блестели под луной, а в глазах отражался свет далеких звезд. Арун был гибким и сильным, Сона – изящной и хрупкой. Мягкие изгибы ее бедер, ее небольшая, совершенной формы грудь сводили его с ума.

Хотя Сона уже была с мужчиной – со своим старым мужем, почтенным брахманом, пожелавшим молодой плоти, – ей казалось, что все происходит впервые. Ей чудилось, будто жар тела Аруна проникает внутрь, растопляя давний холод и страх.

Сона пыталась противиться нараставшему сладостному ощущению, но после сдалась и растворилась в нем. Арун же боялся потерять, спугнуть этот волшебный миг, бесценность которого он только что осознал. Они льнули не только телом к телу, а и сердцем к сердцу, душой к душе. Она отдалась ему безраздельно, а он получил гораздо больше, чем мог себе представить.

– Прежде ты спала со стариком, а я со старухой, и все же мы сумели сохранить себя друг для друга! – прошептал Арун.

– Когда-нибудь я тоже состарюсь, – заметила Сона.

– Это произойдет нескоро. Впереди у нас целая жизнь! И мы будем стариться вместе, а это совсем другое.

Утром Ратна сразу заметила, как окрепла их связь, и боялась почувствовать себя третьей лишней. Однако Сона вела себя все так же дружелюбно, а Арун по-прежнему называл

[46] Короткая кофточка, надеваемая под сари.

Ратну сестрой. Они тронулись в путь и за несколько переходов добрались наконец до Хардвара.

Увидев город, вблизи которого Ганг начинает свой путь в гранитных скалах, из хрустального горного потока постепенно превращаясь в могучую темно-серую массу воды, девушка почувствовала, как на ее глазах выступили слезы. Она вернулась в прошлое, к источнику своего счастья и своих бед.

Когда они подошли к дому, где жил Нилам, в душе Ратны всколыхнулась память о первом волшебном чувстве и отдалась в душе резкой болью утраты.

Во дворе какая-то девушка раскладывала на горячих камнях выстиранное белье. Обернувшись на стук калитки, она вопросительно посмотрела на незваных гостей. Ратна обратилась к ней:

– Мы бы хотели видеть Нилама.

– Мой муж в лавке.

У Ратны потемнело в глазах. Это была не столько ревность, сколько осознание того, что она в самом деле умерла для других людей.

Когда человек покидает этот мир, время не останавливается, жизнь по-прежнему течет, и в ней происходят события, не имеющие никакого отношения к тому, кто никогда не вернется обратно. А вот она вернулась и получила доказательство того, что ее больше нет. Ни для Нилама, ни для его жены, которая едва ли вообще слышала о ее существовании.

– В вашем доме есть дети?

– Нет.

– Приезжал ли к вам Амит, старший брат вашего мужа?

– Да, на нашу свадьбу.

– С ребенком?

– С женой.

Поняв, что эта девушка ничего не знает, Ратна направилась к выходу. Сона и Арун молча пошли за ней. Во взоре первой отражалось сочувствие, второй выглядел встревоженным.

– Куда мы теперь? – спросил он, когда они очутились за воротами.

– В лавку.

Ратна была погружена в себя, а Сона втайне радовалась ярким краскам рынка, которые ее ожившая душа не уставала впитывать. Золотые холмы шафрана, звездоподобный анис, животворящий пажитник, полный целебных соков имбирь – все это таило в себе множество оттенков вкуса различной сладости и остроты. Сона охотно скупила бы весь базар и растворилась в магии цветов и запахов. Единственное, что бы она не взяла, так это асафетиду – противоядие от любви.

Ратна вошла в ковровую лавку. Арун и Сона остались снаружи. Когда девушка увидела бывшего возлюбленного, она не испытала ни сожаления, ни горечи; напротив, в ее душе зародился гнев. Ратна предчувствовала, чем обернется этот разговор, потому что давно разгадала натуру Нилама. А он застыл с таким выражением на лице, словно перед ним предстал выходец с того света.

Ратна знала, что она – исхудавшая, с остриженной головой, покрытой краем сари, и острым непримиримым, ожесточенным взглядом запавших глаз – выглядит ужасно, но сейчас это не имело значения.

– Почему ты так смотришь? – резко спросила она. – Ты же знаешь, что я не умерла!

– Да, но ты… ты не можешь здесь находиться! – пробормотал он.

– Меня привела сюда боль, которая не дает мне покоя. Где моя дочь?

– Ты же знаешь, она у Амита.

– Ты видел ее с тех пор, как мы расстались?

– Нет.

– Почему? После женитьбы ты мог бы взять Анилу к себе! Пусть ты забыл обо мне, но как ты мог бросить дочь!

На щеках Нилама вспыхнула краска.

– Я не забыл о тебе, Ратна. Но я не думал, что ты вернешься, ведь для вдов не существует пути в прежнюю жизнь. И я не бросал Анилу. Моя жена ничего не знает ни о ней, ни… о нас с тобой. Амит говорил, что его супруга Кумари привязалась к девочке. Аниле там хорошо.

– Я хочу забрать ее к себе.

Нилам выдержал паузу. Теперь в его взоре сквозила жалость и, возможно, остатки прежних чувств.

– Неужели ты вернулась в Хардвар одна? Есть ли у тебя деньги и что ты ешь?

– Я не одна, со мной еще одна вдова и… ее новый муж. А если ты хочешь дать мне денег или что-то еще, то мне от тебя ничего не нужно. Я желаю знать только одно: где мне найти Амита? Потом я навсегда исчезну из твоей жизни.

Нилам вздохнул.

– Он не отдаст тебе Анилу.

– Посмотрим. Она не его, а моя дочь.

– Он в Канпуре, в тамошнем гарнизоне. Я запомнил название города, но понятия не имею, где это.

– Мы найдем. Отныне я иду куда хочу и делаю то, что считаю нужным. А ты… ты навсегда останешься в этой лавке! По мне, это немногим лучше приюта.

Ратна вышла на улицу. Внезапно свет показался слишком резким и ярким. Девушка покачнулась, и Арун поддержал ее за локоть.

– Что он сказал?

Ратна лишь покачала головой: она не могла говорить, ее душили рыдания. Сона ласково погладила девушку по плечу.

– Мы сделаем все, чтобы найти твою дочь и вернуть ее тебе!

Арун выяснил, что Канпур находится на правом берегу Ганга, между Аллахабадом и Дели. До 1801 года это была деревня, которую захватили англичане, превратив ее в пограничный пункт. К настоящему времени важность Канпура сильно возросла: к нему протянулась телеграфная линия и там шло интенсивное строительство железной дороги.

Город насчитывал сто восемнадцать тысяч жителей, включая и гарнизон, состоявший приблизительно из трех тысяч сипаев и немногим более трехсот английских солдат и офицеров.

На северной окраине Канпура, носившей название Навабгандж, находились воинский арсенал, казначейство и гражданские службы, на южной протянулись ряды бараков военного городка сипаев.

Этот лагерь мало чем отличался от других подобных лагерей: строения из глины, соломы и бамбука с узкими комнатами, отдельными для каждого солдата. В одной из таких клетушек Ратна, Арун и Сона и обнаружили Амита – он как раз сменился с караула и собирался готовить обед на мангале, который дымился во дворе. Вероятно, его жена и Анила жили отдельно, потому что здесь не было никаких следов присутствия женщины и ребенка.

Амит не сразу узнал Ратну, а узнав, отшатнулся, как и Нилам.

– Ты?!

– Да. Я пришла за своей дочерью.

– Ты не можешь покинуть приют!

– Я уже это сделала. Отдай мне ребенка!

– Нет.

– Почему?

– Потому что это нарушение обычаев, установленных от века. Ты – внекастовое существо, оскверняющее все, до чего дотронешься. Я не должен стоять рядом с тобой, не то что разговаривать. Возвращайся обратно, иначе я сам отвезу тебя туда.

– Я никогда не вернусь в приют! – вскрикнула Ратна, отпрянув от него. – Ты не сможешь меня принудить!

– Послушайте, – вмешался Арун, – это бесчеловечно. Отдайте ребенка матери, и вы больше никогда нас не увидите. Клянусь, мы позаботимся о девочке.

Амит окинул его суровым взглядом.

– Кто ты такой, чтобы представлять интересы Ратны?

– Я ее брат. А это моя жена. – Арун кивнул на скромно стоящую в стороне Сону.

Амит покачал головой.

– Чутье подсказывает мне, что у вас подобралась подходящая компания! Я не верю, что ты ее брат. Где же ты находился, когда я отвозил эту женщину в приют?

– Тогда меня еще не было в ее жизни.

– В таком случае у тебя нет никакого права вмешиваться. Все давно решено. И если ты помогаешь отступнице, значит, ты того стоишь. Уходите. Я сам воспитаю свою сестру.

– А вот тут ты ошибаешься! – Ратна сжимала в кулаке конец сари, ее глаза сверкали. – Анила – вовсе не дочь твоего отца! Я родила ее от Нилама!

Хотя Амит попытался скрыть эмоции, было видно, что он сражен услышанным.

– Если это правда, тогда ты – развратная женщина, проклятая богами. Тебе нигде не найти ни спасения, ни убежища, – мрачно произнес он и добавил: – Только попытайся похитить Анилу, и тебе несдобровать! Это военный город, в котором все решается очень просто и быстро.

Им пришлось уйти. Ратна брела, опустив голову. Она думала о том, что можно собрать и склеить все, кроме разбитого сердца. Ей казалось, будто ее душа исполосована острыми когтями.

Девушка выглядела такой потерянной и жалкой, что Арун и Сона очень удивились, когда она вскинула голову и гневно промолвила, глядя сухими глазами в высокое прозрачное небо:

– Я ни за что не сдамся!

– Конечно, – сказал Арун, стараясь усмирить жестокий мятеж ее сердца, – только нам надо быть осторожными и ни в коем случае не спешить. Не стоит давать волю чувствам. Мы наверняка узнаем, где живет его жена, и наведаемся к ней. А пока остановимся в этом городке.

На южной окраине Канпура, за сипайским лагерем, размещались утопающие в садах бунгало англичан. Здесь же располагались больничные бараки, игорный дом, бильярдная, офицерский клуб и церковь.

Жизнь офицеров полка протекала хотя и рутинно, но вместе с тем весело: сезонные балы, спортивные состязания, скачки. Форма военных была на редкость живописна: красные мундиры, увенчанные длинным плюмажем латунные каски, белые лосины и высокие ботфорты.

Арун принялся одно за другим обходить одноэтажные кирпичные здания, в которых жили офицеры. Один из них посоветовал молодому человеку обратиться в канпурский магистрат.

В те времена образованные индийцы не были редкостью, но, как правило, они происходили из высших каст, а потому не желали служить белым. Красивый, обходительный, хорошо говорящий по-английски юноша вызывал у окружающих доверие и симпатию. Сыграла свою роль и блестящая рекомендация, предоставленная Аруном от имени Флоры Клайв.

В Канпуре ее никто не знал, но великолепная бумага с витиеватой подписью и личной печатью произвела должное впечатление.

Едва ли не впервые юноша подумал о Флоре с оттенком благодарности. При встрече с ней он обладал разве что привлекательной внешностью и хорошей памятью, хотя не сознавал даже этого. Еще до того, как Арун стал ее любовником, Флора упорно шлифовала его красоту, направляла ум и оттачивала манеры, да и после не прекращала этого делать. И теперь он мог сполна воспользоваться плодами ее трудов.

Беглецы сняли маленький домик в районе старого Канпура с его бесчисленными переулками, хаотично разбросанными зданиями и пестрыми базарами. Вероятно, где-то здесь жила и Кумари, жена Амита.

Арун предполагал, что он будет работать, тогда как Сона и Ратна останутся дома, но последняя решила иначе. Она ценила дружеское отношение молодой пары и вместе с тем желала обрести независимость. К тому же работа помогла бы ей отвлечься от тоскливых мыслей. В конце концов Арун нашел для нее место поломойки в семье одного офицера. Как всякая шудра, Ратна не гнушалась тяжелого труда, к тому же впервые в жизни она получала за него деньги.

Теперь им стоило запастись терпением, а еще – по возможности наслаждаться той свободой, какую они наконец обрели.

Глава VIII

Когда Арун и Ратна уходили из дома, Сона брала зеркало и смотрелась в него, мысленно приближая тот день, когда к ней вернется величайшая женская отрада – возможность расчесывать волосы. Хотя Арун говорил, что ее стриженая головка выглядит просто очаровательно, Соне так не казалось. Из-за жары она не носила парик, а прикрывала голову дупаттой.

По утрам молодая женщина посещала ближайший рынок, где покупала продукты и специи. Английские мужчины останавливались и смотрели ей вслед, ибо походка Соны, подчеркнутая тяжелыми передними складками и струящимся тонким шлейфом сари, казалась походкой ожившей статуи. Ей была свойственна особая одухотворенная красота и некая таинственная, едва уловимая обособленность от внешнего мира.

Вместе с тем к приходу мужа и Ратны белье было постирано, дом убран, а в кухне ждали дал, панир[47], чапати, кебабы, халва. Кувшин холодной воды, чтобы утолить жажду, и другой, потеплее, – для омовения.

Хотя в домике было всего-навсего две тесные комнатушки с узкими окнами, а из предметов мебели и обихода – только две кровати, корзина для одежды, несколько циновок и самая простая посуда, женщины не могли нарадоваться.

Арун повторял себе, что, не будь Сона вдовой, ему вряд ли удалось бы жениться на столь утонченной особе. Она была искренне предана мужу и в то же время никогда не растрачивала свое достоинство. Арун не позволял Соне припадать к его стопам, он сам целовал ей ноги. Он приучал ее ложиться с ним в постель обнаженной, чтобы чувствовать друг друга всем телом. Многим мужьям бывает довольно спокойной, рассудительной привязанности жены, но Арун жаждал любви, и он ее получил.

Спальня была особой Вселенной, где они сполна обретали друг друга, двигаясь в неизменной гармонии и даже дыша в унисон. Охваченные желанием, они становились единым целым, сплетались, как лепестки лотоса. И, познав нечто немыслимое, вновь с благодарностью и любовью искали объятий друг друга.

Сона очень хотела родить ребенка; глядя на падающие звезды, она всегда загадывала только это желание. Но ничего не говорила мужу: согласно обычаю, он должен узнать об этом только тогда, когда в ее теле зародится жизнь.

Ни Сона, ни Ратна не задумывались о том, надолго ли они задержатся в Канпуре, но однажды вечером, наслаждаясь ароматным чаем, который подала жена, Арун сказал:

– В армии что-то назревает, я имею в виду индийцев. Многие ангрезы беспокоятся за судьбу своих семей.

– Откуда ты знаешь? – спросила Ратна.

Арун улыбнулся.

– Распахивая двери перед высшими военными чинами, вынося пепельницы и подавая чай, можно многое услышать, особенно если делать вид, что ничего не понимаешь.

– Нам угрожает опасность? – промолвила Сона, присаживаясь на циновку.

– Просто я думаю, что, если начнутся волнения, нам придется держаться англичан.

Женщины понимали, что имеет в виду Арун. Своим бегством из приюта – а Сона еще и повторным браком – они навсегда провели черту между собой и единоверцами.

– Чем недовольны сипаи? – резко произнесла Ратна. – Они одеты, обуты, сыты и даже вооружены.

---

[47] Домашний сыр с горячей подливкой.

– Англичане не желают вникать в обычаи, а тем более религиозные чувства индийцев. Зачастую они творят жестокости, которым нет оправдания. А сипаи… Им уже мало того, что у них есть. Сейчас нет войны, значит, нет повышения по службе и военной добычи. К тому же есть князья, которые хотят вернуть себе власть, отнятую белыми.

Сказав это, Арун вспомнил родную деревню, скудный урожай, который крестьяне были вынуждены почти даром отдавать скупщикам, непомерные налоги, лишившие население возможности покупать прежде всего соль[48], что приводило к болезням и смерти.

Женщины внимательно и с волнением слушали о важных вещах, на их взгляд, до конца понятных только мужчинам, а потом Арун осторожно произнес:

– Ратна… Я узнал, где живет жена Амита со своими родителями и твоей дочерью.

Девушка быстро вскинула голову – ее взгляд обжигал.

– Я хочу видеть Анилу!

– Мы можем попытаться сделать это, но незаметно, издалека. Не стоит врываться к ним в дом и требовать вернуть ребенка. Надо действовать по-другому. Подать в суд, и пусть он решает, кому принадлежит Анила.

– А если мне откажут?

– У нас все равно нет другого выхода. Амит – сипай, и, если ты выкрадешь девочку, в суд подаст он. Тогда против нас будут не только индийцы, но и англичане.

– Когда мы пойдем туда?

– Завтра вечером. Ты и я. Сона пусть останется дома.

Последняя согласно кивнула, хотя была вовсе не против пойти вместе с ними. Но она не считала возможным перечить мужу.

На следующий день Ратна выглядела куда более оживленной, чем обычно. Собираясь на работу, она надела яркое сари и красиво причесалась.

Потом они с Аруном вышли из дома и направились по освещенной солнцем улице. Они шли рядом, о чем-то разговаривая, и Сона услышала, как Ратна засмеялась. Молодая женщина не могла разобрать слов, и это ее задело.

Вернувшись в дом, Сона села и задумалась. Переступая порог, Арун и Ратна словно оставляли ее в другом мире. Они вели себя так, будто их что-то связывало, и общались совершенно запросто. Но они не были братом и сестрой, они назвались так для удобства, да еще для того, чтобы соблюсти приличия.

Подумав о приличиях, Сона испытала крайне неприятное чувство. Молодая женщина вспомнила рассказ Ратны о том, как та отдалась младшему сыну своего супруга. Такое поведение считалось неслыханно развратным – в этом Амит, без сомнения, был прав.

Соне казалось, что Арун чаще обращается не к ней, а к Ратне. А тем временем она, его супруга, подает на стол и убирает за ними, поскольку они оба вернулись с работы и, стало быть, устали.

Сона понимала, что ее муж хочет, чтобы они переняли английские порядки, и все же… где это видано, чтобы брахман-ка прислуживала шудре! Разумеется, низшие касты могут принимать пищу из рук высших, а никак не наоборот, но ни одна шудра не посмеет есть вместе с брахманами! Если у Ратны нет препятствий даже к этому, то она способна презреть и все остальное. Например, заигрывать с чужим мужем, тем более что сейчас у нее нет своего мужчины.

Когда вечером Арун и Ратна собрались уходить вдвоем, Сона сделала вид, что воспринимает это как должное, хотя на самом деле ее душу терзали обида и ревность.

---

[48] Налог на соль был самым тяжелым, а цены на нее – непомерными. Это было вызвано монополией на продажу данного продукта со стороны Ост-Индской компании.

Жилье родителей Кумари стояло в окружении деревьев амалташ, усыпанных ярко-красными цветами, напоминавшими алые языки или ожившие признания в любви. Дом был покрыт обычной тростниковой крышей, зато имел два этажа. Высокая ограда не позволяла заглянуть во двор и увидеть, что происходит внутри.

Арун предполагал, что обитателей дома предупредили о том, что к ним могут нагрянуть незваные гости, а потому не рискнул постучаться в калитку. Они с Ратной смогли увидеть Кумари только на третий вечер, когда женщина с корзинкой в руках вышла из дома и медленно двинулась по улице.

Ее длинные волосы были закручены на затылке изящным узлом, глаза слегка оттенены каджалом[49], лоб украшен бинди[50], на тонкой талии красовалась ажурная подвеска с ключами. Вечернее солнце весело переливалось в крохотных зеркалах, украшавших кайму ее сари. То была спокойная замужняя женщина, живущая в гармонии с миром и самой собой.

Ратну обуяла злоба. Руки этой незнакомки прикасались к ее дочери, этой женщине было суждено поймать первое слово Анилы, и не исключено, что этим словом стало заветное «мама»!

Арун не успел ничего предпринять, как Ратна бросилась наперерез Кумари с криком:

– Отдай моего ребенка!

Та в испуге обернулась и едва не выронила корзинку. Она явно не понимала, что происходит. А Ратна продолжала извергать слова, которые, точно камни, летели прямо в лицо Кумари:

– Ты змея, крадущая яйца из чужого гнезда! У тебя черная кровь и гнилое сердце! В твоей душе только пепел!

Когда слова иссякли, обуреваемая гневом женщина с размаху ударила Кумари в грудь, причем настолько сильно, что та чуть не упала, и она продолжала бы бить, если б не под бежавший Арун. Ему пришлось буквально скрутить Ратну и удерживать, пока Кумари, спотыкаясь, бежала обратно к своему дому.

Ратна пыталась высвободиться из рук Аруна; несмотря на невысокий рост и худобу, она была удивительно сильной. И тогда он подумал, что этой юной женщине удастся выбраться из любой переделки, что она во что бы то ни стало вырвет свое из зубастой пасти судьбы.

– Зачем ты это сделала? – огорченно произнес Арун. – Ты навредила прежде всего себе! Эта женщина ни в чем не виновата. Это не она отняла у тебя ребенка. Мы не знаем, что она почувствовала, когда ее муж принес в дом младенца, и как она его приняла.

– Вот именно! А если она обижает Анилу? А если ей и ее родственникам наплевать на мою дочь?

– Не думаю, что это так.

Они вернулись домой в подавленном настроении, а потому неохотно отвечали на вопросы Соны. Арун только сказал, что они видели Кумари, но это ничего не дало.

Сона возилась в кухне, когда услышала, как ее муж и Ратна о чем-то разговаривают. Осторожно выглянув из закутка, молодая женщина увидела, как Арун бережно обнимает Ратну за плечи.

– Ты не должна себя винить, – говорил он. – Что случилось, то случилось. На твоем месте я бы тоже не сдержался. Каково юной прекрасной женщине жить с таким горем в душе! Запомни главное: я навсегда останусь твоим братом и другом, готовым защитить и помочь.

Сона отпрянула, а потом прислонилась к стене. Ее сердце громко стучало. Она ощущала себя деревом, в которое внезапно ударила молния, хрупким цветком, случайно упав-

[49] Сурьма.

[50] Знак замужней женщины, цветная точка в центре лба.

шим в мутную воду реки и безжалостно подхваченным ее мощным потоком. Где были эти двое и чем они занимались?! О какой вине говорил ее муж?

Войдя в комнату, Сона попыталась вложить в свое молчание как можно больше эмоций, но, похоже, этого никто не заметил. Арун и Ратна тоже не проронили ни слова. Их будто объединяла какая-то тайна. Сполна оценив этот тяжкий момент, Со-на спрятала слезы и приклеила на лицо улыбку.

В воскресенье Ратна занялась приготовлением обеда, а молодые супруги отправились прогуляться по городу.

Центральная улица Канпура была широкой и ровной, с многочисленными магазинами и домами индийской знати. Навстречу плыли дамы в шелковых сари, с благоухающими веточками жасмина в иссиня-черных волосах, с золотыми натхами[51], вес которых свидетельствовал о благосостоянии семьи. Женщин сопровождали мужчины в джиббах[52] с блестящими пуговицами и в тонких муслиновых дхоти с изящно переброшенным через плечо верхним концом.

– Давай купим тебе украшение, – предложил Арун, увлекая Сону в ювелирную лавку.

Как всякая женщина, она не возразила против такого предложения и вскоре стала обладательницей сережек и ожерелья из филигранного серебра. Пока Сона любовалась сложным воздушным узором из переплетенных между собой нитей, листиков, капелек и цветов, Арун, выудив из кучи украшений недорогой браслет из финифти, сказал:

– Как ты считаешь, он понравится Ратне?

– Да, – сдержанно произнесла Сона, мгновенно утратив радостное воодушевление. Она подумала о том, что яркая цветная эмаль – это, без сомнения, то, от чего придет в восторг любая шудра.

Арун заплатил за украшения, и супруги вышли на улицу.

– Вы в самом деле считаете Ратну своей сестрой? – спросила молодая женщина.

Хотя муж много раз говорил ей, чтобы она совершенно спокойно обращалась к нему по имени и на «ты», как это принято у белых, Сона, как преданная индийская жена и истинная брахманка, не решалась нарушить традиции[53].

– Я сочувствую ей. Она потеряла все, и у нее никого нет.

– Она надолго останется с нами?

– Не знаю, – неуверенно произнес Арун. – Если б в ее жизни появился мужчина, способный о ней заботиться…

Не уловив в тоне мужа ничего большего, чем дружеская симпатия и простое человеческое сочувствие, Сона слегка успокоилась.

Ратна порадовалась браслету, но явно не так, как если бы его подарил мужчина, в которого она была влюблена, и это смягчило сердце Соны.

Вечером они вместе трудились на кухне. Одна перемалывала специи, другая начищала большой круглый поднос тхали и металлические чаши для соусов. По стенам сновали шустрые ящерки-гекконы, ярко-нефритовые или травянисто-зеленые, с крохотными ладошками и детскими пальчиками.

– Тебе не тяжело работать в чужом доме, у белых? – спросила Сона.

– Если работа выполнена хорошо, они обращают на меня не больше внимания, чем на мебель. Главное, что теперь я могу откладывать деньги, рупия к рупии, чтобы когда-нибудь

---

[51] Натх – украшения для носа в форме большого кольца.

[52] Джибба – куртка наподобие кителя.

[53] В традиционной индуистской семье жена не имеет права называть мужа по имени и всегда использует уважительное обращение.

вызволить свою дочь. Арун сказал, что за суд придется заплатить, и мне бы не хотелось брать деньги у вас.

– Ты не задумывалась о том, чтобы снова выйти замуж, как это сделала я? – ровным тоном произнесла Сона, не отрывая глаз от посуды.

– Я не уверена, что когда-нибудь найду себе мужа. Да еще такого хорошего, как твой Арун! Кто из наших мужчин способен взять в свой дом вдову? Но если Анила будет со мной, я не буду чувствовать себя одинокой.

Ратна по привычке говорила то, что думала, и Сона вновь почувствовала укол ревности. Но она ничего не сказала.

Когда солнце один за другим гасило свои лучи и на землю постепенно опускалась прохлада, две женщины и мужчина обычно сидели на улице, наблюдая за тем, как краски неба меняются на глазах, переходя от буйных закатных тонов к густеющей вечерней синеве, а после – к черному бархату ночи.

Аруну захотелось пить, и Сона пошла в дом за чаем. Возвращаясь, она вновь услышала разговор, участницей которого ей не суждено было стать.

– Судебные дела длятся долго. Надо начать что-то делать уже сейчас.

– Ты сказал, что этим людям придется заплатить. Я должна скопить достаточно денег.

– Мы тебе поможем. Я получаю жалованье и еще не израсходовал рупии, взятые в дорогу.

– Нет, Арун-бхаи. Возможно, скоро у вас с Соной появятся свои дети. Я не хочу обделять вашу семью.

– С детьми лучше повременить. Наше положение слишком непрочно. К тому же – я уже говорил об этом – в городе что-то назревает. Неизвестно, где мы окажемся через месяц и что с нами будет.

– Тогда не лучше ли уехать отсюда?

– Здесь Анила, – веско произнес Арун.

– Я имею в виду не себя, а вас с Соной.

– Нет. Мы с самого начала были вместе и ни за что не бросим тебя одну.

– Если б и я могла чем-то помочь тебе и Соне!

– Ты – подруга моей жены, и этого довольно. А если говорить обо мне… Бывали дни, когда я мысленно видел перед собой только трубку с опиумом, и ночи, когда я корчился от нестерпимой жажды дурмана. Тут ты ничем не поможешь, с этим я должен справиться сам. А в остальном у меня все в порядке.

Сона застыла с подносом в руках. Ее супруг решил, что им «лучше повременить с детьми», даже не подумав посоветоваться с нею! Зато он преспокойно обсуждает столь интимный вопрос с Ратной! А еще, оказывается, у него есть проблемы иного рода, но он не стал делиться этим с женой, однако, опять-таки, доверился своей названой сестре, которая, по сути, была ему совершенно чужой.

Подслушав этот разговор, молодая женщина поняла: в ее душе не будет покоя до тех пор, пока между ней и Аруном стоит Ратна. Муж назвал эту девушку ее подругой, но Сона сказала себе, что низкая шудра не более чем грязь, прилипшая к подошвам чаппалов[54] благородной брахманки!

В довершение всего в одну из ночей, когда, сжимая ее в объятиях, Арун в порыве страсти воскликнул «моя Радха!»[55], Соне почудилось, будто он произнес «моя Ратна».

---

[54] Чаппалы – сандалии.

[55] Радха – возлюбленная Кришны.

Хотя население Канпура и личный состав полков гарнизона не проявляли недовольства англичанами, командующий, генерал Уилер, получил депешу о восстании в Мируте[56]. За короткое время новость распространилась по всему городу, и белое население запаниковало.

Генерал приказал укрепить два больничных барака из кирпича, расположенных близ домов офицеров гарнизона, – их обнесли невысокой насыпью и окружили неглубоким рвом. Очень скоро эта импровизированная крепость получила название «форт безнадежности».

По городу блуждали темные слухи, на прежде шумных, беспечных базарах царила угрожающе напряженная атмосфера, и воздух был полон предчувствия надвигавшейся беды.

На первый взгляд, причина волнения сипаев казалась пустяковой. В армии ввели нарезные ружья, и заговорщические группы, давно существовавшие во всех провинциях, пустили слух, что бумажная обертка патрона, которую при зарядке винтовки надо было срывать зубами, смазана коровьим или свиным жиром. И индус, и мусульманин, согласившийся взять такого рода патрон, неминуемо осквернялся и ставил себя вне общества. Это послужило последней каплей в чаше терпения индийцев, и они ринулись избавляться от ненавистных британцев.

Накануне роковых событий Ратна вернулась с работы раньше обычного, сообщив, что ее хозяева заколотили особняк и так же, как и другие англичане, укрылись в укрепленном госпитале. Девушка слышала обрывки разговора о том, что некоторые белые пытались покинуть город, но не смогли этого сделать, поскольку дороги патрулировали вооруженные крестьяне.

Сона расхаживала по дому, сцепив руки в замок; ее грудь тяжело вздымалась. Время шло, а Аруна все не было. Наконец он прибежал, растерянный и взволнованный.

– Городская знать нанимает охрану из числа местных горожан! Все магазины и лавки закрыты! Надо бежать. Берите самые необходимые вещи – мы укроемся в крепости. Командующий гарнизоном приказал принести туда боеприпасы, еду и побольше воды.

Сона без разговоров бросилась собирать одежду, украшения, посуду – все те домашние «сокровища», которыми она так дорожила, тогда как Ратна стояла посреди комнаты, не предпринимая никаких попыток ей помочь.

– Побыстрее! – поторопил Арун женщин, и тогда Ратна сказала:

– Я пойду к дому жены Амита. Я должна быть уверена, что Анила в безопасности!

– Тебя все равно туда не пустят, – нетерпеливо возразил Арун. – Амит – сипай, потому, полагаю, с твоей дочерью ничего не случится.

И тут Ратна поняла: она не могла быть с белыми, потому что те люди, в чьих руках оставалась Анила, отныне принадлежали к другому лагерю.

– Я останусь здесь.

– Что ты несешь! – раздраженно воскликнул Арун и бросил жене: – Сона, прошу тебя, уговори ее!

Он вышел во двор, чтобы выкопать спрятанные в земле деньги, а Сона повернулась к Ратне. Глаза брахманки были темными и бездонными, четко очерченные скулы и царственный лоб свидетельствовали о высоком происхождении. И когда она заговорила, ее слова были произнесены тоном человека, облеченного властью:

– Ты мыслишь правильно. Ты должна остаться.

– Почему? – прошептала Ратна.

– Ты только что сама ответила на свой вопрос. Но у меня есть другая причина желать этого. Ты плохо действуешь на людей. Ты несешь на себе знак беды.

Ратна прижала руки к груди.

---

[56] Мирут (Мератх) – город, расположенный в 80 км к северу от Дели.

– Я сделала тебе что-то плохое, Сона?

– Ты каждый день откусываешь по кусочку от моего хлеба и, полагаю, не остановишься, пока его не доешь! Если ты не понимаешь, что я имею в виду, значит, боги дали тебе не больше ума, чем всякой шудре, хотя наглости и хитрости тебе явно не занимать!

– О чем ты? Я всегда была честна с тобой! Если тебе что-то во мне не нравится, я готова это спрятать и…

– Будет лучше, – перебила ее Сона, – если ты сама спрячешься так, чтобы мы с моим мужем никогда тебя не нашли!

Ратна кивнула и попятилась. В ее глазах стояли слезы, а лицо напоминало трагическую маску. Она осознавала, чего от нее хотят, но не понимала почему. Вероятно, дело было все-таки в касте, ибо чистота брахманов есть чистота огня, а незыблемость их порядков – нечто святое и вечное. В приюте для вдов они с Соной были равны, но теперь их вновь разделяла пропасть.

– Хорошо, я уйду, – твердо произнесла Ратна и, не сдержавшись, спросила: – Арун думает так же, как ты?

Сона сполна оценила последнюю выходку дерзкой шудры. Гордо вскинув голову, словно ее украшала не скромная шапочка стриженых волос, а золотая корона, она сказала:

– Не все ли тебе равно, что он думает? Ведь он не твой муж!

Ратне показалось, что теперь она знает правду. Ее присутствие в этой семье было как нож, разрезающий плод на две половины. Сона ревновала. Ведь ей уже довелось быть третьей женой! Едва ли это было приятно, хотя она и не испытывала к прежнему мужу ни капли любви.

Тогда что говорить о нынешнем браке, ставшем смыслом ее новой жизни! Сона желала безраздельно владеть чувствами своего супруга, даже если он испытывал к другой женщине только дружеское участие.

Глава IX

Обычно в этот час дома были объяты глубоким молчанием и покоем, луна напоминала зеркало, нашитое на полотно черного сари, а деревья словно кутались в ночные тени. Но сегодня все выглядело иным.

После условного сигнала – трех гулких выстрелов – сипаи были подняты по тревоге и по темным улицам Канпура помчалась кавалерия. Одно за другим загорались бунгало европейцев, и город озарило высокое яркое пламя. Были захвачены банк, арсенал и тюрьма, перерезаны телеграфные линии.

А тем временем со стороны Мирута к Канпуру двигались вереницы восставших, катились орудия, плыли серые громады слонов. Участь укрывшихся в крепости англичан была незавидной.

Ратна быстро шла по улице вдоль сплошной стены домов, не обращая внимания на дробный стук копыт, треск ружейных выстрелов и громкие крики мужчин. Всадники мчались как одержимые, с боков лошадей летела пена, а в воздухе клубилась густая пыль. Хотя все это происходило буквально на расстоянии вытянутой руки, Ратна не испытывала никакого страха. Ее терзало иное волнение: она думала о судьбе дочери.

Вероятно, та несгибаемая сила, что гнала и вела молодую женщину вперед, уберегла ее и от шальной пули, которая могла сразить в любой момент.

Ратна была готова ко всему: что ей не откроют дверь, что Кумари с родителями и Анилой покинула город, что ее встретят пустые темные комнаты и брошенные за ненужностью вещи, – но она никак не ожидала, что дома просто не будет.

Калитка была открыта, ограда уцелела, но на месте особняка громоздились руины. Вероятно, в него угодил случайный снаряд. Белесые струи дыма медленно поднимались ввысь и исчезали в ночном небе. Ратна не слышала никаких звуков; казалось, застыли и мир, и само время.

Прошло около минуты, и ее начала бить дрожь. Молодая женщина обхватила плечи руками, но потом у нее начали стучать зубы. Вот что такое жизнь! Бурлящий многолюдный город в мгновение ока превратился в безмолвный каменистый холм, любовь – в пустоту, а надежды – в осколки.

Мгновение – и Ратна повернулась спиной к развалинам. Она не станет искать трупы: там их просто нет. Амит наверняка увел свою семью в безопасное место! Теперь надо узнать, где они скрываются.

Тем временем Аруну и Соне удалось найти приют в укреплении, где находилось около тысячи человек, – наряду с офицерами и их семьями здесь были служащие магистрата, работники связи и транспорта, торговцы и другие гражданские лица. Прошло всего трое суток, а в крепости уже не хватало воды – ее выдавали раз в день строго дозированными порциями.

В узле, взятом Соной в дорогу, были посуда, одежда и «Махабхарата», укладывая которую молодая женщина невольно испытала угрызения совести.

Старая книга, взятая ею из родительского дома, осталась в приюте, и Сона ни за что не стала бы просить мужа купить ей новую. Однако Ратна рассказала Аруну о пристрастии его супруги к чтению (хотя сама даже не знала букв), и тот немедленно отправился в книжную лавку. Ратна любила Сону и тянулась к ней не как к высшему существу, а как к человеку, которого постигла такая же, как и у нее, нелегкая вдовья судьба.

Пока Арун пытался что-нибудь разузнать об их будущем, Сона, дабы не сидеть на месте, принялась (разумеется, с согласия мужа) ухаживать за ранеными вместе с белыми леди. Она не знала английского, но страданиям не нужны слова, и индианка легко угадывала,

чего хотят солдаты. Сона приносила им воду в медном лота[57] и разливала в глиняные чашки, а когда они благодарили ее на своем языке, смущенно улыбалась.

Ходили слухи, что, когда несколько представителей канпурской знати попытались передать осажденным воду и продукты, сипаи задержали их и расстреляли как изменников. Уличенным в шпионских действиях отреза́ли язык и уши, выкалывали глаза и отправляли назад в укрепление.

Потому, когда Аруна позвали к генералу Уилеру, он испугался и растерялся. Теоретически его могли казнить и те, и другие – он с самого начала стоял на пограничной полосе. Арун был индийцем, в силу обстоятельств утратившим связь со своими, и он использовал белых просто для того, чтобы спастись. И, возможно, поставил не на ту карту.

Генерал Уилер, сгорбившись, сидел за столом. Казалось, он признал свое поражение, хотя, возможно, за его спиной были спрятаны крылья, которые он пока не решался расправить. Арун больше склонялся к первому.

– Я узнал, что среди нас, помимо служанок и нянек, есть и другие индийцы, в частности ты. Как ты здесь оказался?

Арун попытался что-то выдумать, но генерал махнул рукой.

– Не морочь мне голову! У меня мало времени и сил, чтобы выслушивать вранье. Любой на твоем месте убежал бы к своим. В чем истинная причина?

Колеблясь и запинаясь, Арун рассказал правду.

– Мне наплевать на это, – заявил генерал Уилер. – Наши вдовы вольны выходить замуж хоть по десять раз. Если ваше общество готово вышвырнуть вас за ворота только за подобный «проступок», я вам не завидую. Значит, ты на нашей стороне и готов нам помочь?

– Да, но едва ли я…

– Все предыдущие попытки переговоров, – перебил генерал, – не увенчались успехом. Нана Сахиб[58], прежде бывший нашим союзником, встал во главе восстания, и он не дает нам никаких послаблений. – Подняв глаза, командующий в упор посмотрел на замершего Аруна. – Ты индиец, ты знаешь английский, производишь впечатление разумного, грамотного человека. Не думаю, что твои соотечественники и единоверцы убьют тебя, даже не выслушав.

Арун затрепетал.

– Вы хотите отправить меня к повстанцам?! Да они разрежут меня на куски! Я же перешел на вашу сторону! Какой от меня может быть толк! Тем более здесь моя жена, которую я ни за что не покину! Она – индианка и не знает английского. Что она станет делать среди белых?!

– Если ты не вернешься, о ней позаботятся, – сухо произнес генерал Уилер.

– Это невозможно! – воскликнул Арун и осекся.

Он все понял: взгляд генерала не давал обмануться. Его с легкостью приносили в жертву, а если надо, в тот же костер полетит и Сона с ее любовью, преданностью, наивностью и верностью. Они не стали своими среди чужих, они оставались изгоями. Их жизни не стоили и мелкой монеты.

Англичане защищались с отчаянием обреченных, и пока им кое-как удавалось отбивать атаки сипаев. Но едва ли это могло затянуться надолго. Укрепления ежедневно подвергались обстрелу из множества орудий; при этом внутри крепости взрывалось не менее трех десятков снарядов.

– Что я должен делать? – спросил Арун.

---

[57] Лота – низкий сосуд с широким горлом.

[58] Нана Сахиб (1824 – год смерти неизвестен) – один из лидеров индийских повстанцев в ходе восстания сипаев 1857 г. Участвовал в ряде сражений против колонизаторов, провозгласив себя правителем (пешвой).

– Постараться вступить в переговоры со знатными людьми Канпура. Надо внести раскол в ряды восставших. Тем, кто согласится сотрудничать с нами, я обещаю именем королевы дальнейшую свободу и пожизненную пенсию в тысячу рупий. Рано или поздно восстание будет подавлено. Нужно быть глупцом, чтобы не понимать этого.

– Я не хочу быть предателем, – сказал Арун и вновь натолкнулся на холодный немигающий взор генерала.

– Тебе тоже назначат пенсию, и ты заживешь, как тебе и не снилось. В противном же случае тебя ждет виселица. Надеюсь, я выражаюсь предельно ясно?

– Да, – прошептал Арун.

– Вот, – сказал Уилер, наливая воду из стеклянного графина, – выпей сам или отнеси жене.

Выслушав подробный рассказ о том, какова его задача, молодой человек отыскал Сону. Ему предстояло выйти из крепости вечером, потому у них было немного времени, чтобы проститься.

Ее кожа была сухой, как пергамент, глаза потускнели, из губ вырывалось тяжелое дыхание – она, как и все, страдала от жажды. Арун протянул Соне чашку с водой.

– Нет! Пейте сами. Или давайте поделимся.

Нежно глядя на нее, он как можно мягче произнес:

– Мне придется покинуть крепость, и снаружи наверняка есть вода, а вот ты… останешься здесь.

Молодая женщина подскочила, едва не расплескав драгоценную влагу.

– Как?!

Осторожно поставив чашку на пол, Арун взял Сону за руки и поведал о разговоре с генералом Уилером.

– Мы не белые! Почему мы должны слушаться их приказов?

– Волей или неволей мы – с ними. Если осада будет успешной, сипаи не станут задаваться вопросом, как мы здесь оказались. Просто расстреляют или повесят. А если я откажусь помогать англичанам, тогда нас казнят они.

– Вы уйдете, а… как же я? – вырвалось у Соны.

– Я договорился, о тебе позаботятся. Я надеюсь, что мы скоро увидимся.

– Арун! Мой дорогой! – воскликнула она, впервые называя его по имени.

У Соны перехватило дыхание, и она крепко прижалась к мужу. На губах и языке были ее и его слезы. В прощальном поцелуе была яростная страсть обреченных людей, стремящихся испытать то, что дано пережить только перед смертью.

Полулежа в объятиях мужа, Сона думала о том, что должна не плакать, а радоваться. Она полюбила и вышла замуж, будучи вдовой, – словно ожила после смерти. Ей было дано понять, что она больше никогда не сможет вынести похоть чужого мужчины и безмерное унижение от этого, а значит, она стала свободной.

Арун колебался, но все-таки ему пришлось сказать Соне то, что он хотел сказать:

– Любовь моя! Если вдруг случится так, что я не вернусь, обязательно отыщи Ратну – вместе вы сможете выстоять!

Сона вздрогнула. Арун был прав. Зачем она отослала Ратну?! Вдвоем им было бы легче и проще.

– Прости! – прошептала она.

– Ты просишь прощения у меня? – удивился Арун.

– Нет. У другого человека. А что касается нас… В первый раз я не видела смысла восходить на костер и боялась этого, но теперь… Ради чего мне жить? Ради себя, тоскующей и одинокой? Пусть наши души сольются воедино и мы никогда не расстанемся!

Ее слезы высохли, а в голосе звучал почти благоговейный восторг перед чем-то высшим, недоступным пониманию, но всесильным. Арун не стал спорить, он только сказал:

– Поклянись, что не убьешь себя, пока не увидишь мой труп. Что бы ни случилось, продолжай надеяться, что я жив, и верить в то, что мы встретимся. Это единственное, о чем я тебя прошу.

И Сона прошептала:

– Клянусь!

Арун покинул крепость во время перестрелки, под прикрытием огня и дыма. Он полз, пока не достиг развалин какого-то дома, где и поспешил спрятаться. Будь его воля, он никогда бы больше не показался на глаза ни англичанам, ни индийцам, но сердце жарко стучало: «Сона, Сона, Сона!» И он ничего не мог с ним поделать.

Ближе к полуночи Арун выбрался из укрытия. Перестрелка прекратилась. Прежде суетливый и шумный, как всякий перекресток торговых и военных путей, заставленный палатками и лотками Канпур сейчас застыл в угрожающей тишине и безлюдье.

Арун видел брошенные кем-то в паническом бегстве тюки и коробки, игрушки и книги с обгоревшими страницами, атласную женскую туфлю, тележку со сломанным колесом.

В голову пришла мысль о том, чтобы зайти в какой-нибудь пустой дом и поискать еду и воду. Обнаружив английское бунгало, до которого не добрался огонь, он медленно и осторожно, поминутно оглядываясь, прошел через сад и тихо поднялся по ступенькам веранды.

Внутри валялись обломки мебели, тряпки, какой-то мусор. Дверь кладовой была распахнута, и Арун нашел на полках жестянки с консервами и винные бутылки. Банки было сложно открыть, а вина ему не хотелось. К счастью, в кухне нашлась миска холодной чечевицы и черствые лепешки, а в сохранившемся во дворе колодце была вода.

Умывшись, напившись и утолив голод, Арун почувствовал себя увереннее. Он отряхнул одежду, пригладил волосы и двинулся по улочке, вдыхая знакомый запах ночных цветов, угля, навоза и непривычный, пугающий – порохового дыма, кирпичной крошки, тлеющих тростниковых крыш и обгоревших деревянных балок.

Днем он попытался проникнуть в особняк одного из представителей канпурской знати, прежде весьма лояльно относившегося к англичанам. Однако все переменилось: теперь они верили Нане Сахибу с его возрожденным княжеством.

Когда Аруна задержали и передали в руки повстанцев, он даже испытал некоторое облегчение – до того противным казалось то, чем ему предлагал заниматься Уилер. Именно тогда молодой человек окончательно понял: отныне он никогда не сможет заставить себя продаваться кому бы то ни было.

Вскоре он стоял перед одним из самых жестоких приспешников Нана Сахиба, Азимуллой-ханом, и его людьми. Хотя дело происходило в богато обставленном особняке с пышным садом, где гуляли ручные павлины, резвились олени и косули, по лицам собравшихся было ясно, что им ничего не стоит обагрить роскошные ковры человеческой кровью.

– Нам надо было убить тебя сразу, как и других шпионов, – густой голос Азимуллы отдавался под потолком гулким эхом, – но те были белыми. – Он сделал паузу. – Хотя ты жалкая собака, я могу дать тебе возможность купить себе милосердную смерть. Мы хотим знать, каковы планы этого ничтожного интригана, генерала Уилера.

В его тоне было столько презрения, что к лицу Аруна прихлынула кровь и он едва не потерял самообладание, однако сдержался и спокойно ответил:

– Я не собака. И мне неизвестны планы генерала. Я согласился на это, потому что в крепости в заложниках остался близкий мне человек.

Азимулла-хан раздраженно махнул унизанной тяжелыми перстнями рукой.

– Мне это неинтересно! Какое оправдание можно услышать из пасти поганого шакала, сбежавшего вместе с белыми!

– Просто я совершил нечто такое, чего никогда не поймет ни один индиец. Возможно, вы удивитесь, но…

– Я много лет ничему не удивляюсь, – перебил Азимулла-хан и, зловеще усмехнувшись, добавил: – Впрочем, если тебе удастся удивить меня, то я тебя выслушаю.

– Я взял в жены вдову, выкрав ее из приюта в Варанаси, – сказал Арун и почувствовал, как отголосок его слов прозвучал в мозгу присутствующих, словно удар колокола.

– Да ты отступник, каких я еще не встречал! – протянул Азимулла-хан. – А женщину надо было закопать в землю и разбить ей голову камнями!

– По крайней мере теперь вы понимаете, что нам некуда было деваться.

– Понимаю. Расскажи-ка нам про обстановку внутри английских укреплений: сколько там человек, оружия, еды. Мы знаем многое, но не все. Важны всякие новые сведения.

Арун молчал, и тогда Азимулла-хан бросил своим людям:

– Я зря потратил на него время! Выколите ему глаза, вырвите ноздри, отрежьте уши и бросьте на дорогу!

Молодой человек принялся вырываться с таким отчаянием и силой, что его с трудом могли удержать четверо воинов. Послышался смех.

– Что, не хочешь?

– Моя жена слишком молода и красива, чтобы коротать свою жизнь с уродом и калекой!

– Вот как? А если мы тебя оскопим, это будет лучше?

Теперь, не сдерживаясь, хохотали все – до тех пор, пока Азимулла властно не вскинул ладонь.

– Так что? – произнес он. – Выбирай: слепец или евнух?

– Ни то, ни другое, – сдавленно проговорил Арун. – Лучше убейте меня! Пусть жестоко, мне все равно. Только сделайте так, чтобы мой труп никто не нашел: сожгите, бросьте собакам!

– Первый раз вижу, чтобы человеку было все равно, какой смертью он умрет. Сейчас посмотрим…

С этими словами Азимулла-хан взял железный прут, поданный по его знаку одним из приближенных, и приложил к руке юноши. Арун услышал, как шипит его горящая кожа, и почувствовал боль, какой не испытывал никогда в жизни. Он едва не потерял сознание, однако не издал ни звука, только прокусил язык. В глазах потемнело, а рот наполнился кровью. Звуки отдалились и слабо звенели где-то вдалеке.

– Развлекаешься, Азимулла? – Незнакомый голос выплыл из темноты и врезался в уши.

– Это английский шпион, повелитель.

– Английский? Но он индиец.

– Он прибыл из крепости. Знает их язык. А еще утверждает, что женился на… вдове и потому пытался укрыться у белых.

– Вот как? Погоди, возможно, его удастся как-то использовать.

– Он предатель!

– По крайней мере не трус. Не торопитесь убивать его, для начала отправьте в тюрьму.

Азимулла-хан склонил голову перед Нана Сахибом, а на Аруна бросил гневный взгляд.

Переговоры между генералом Уилером и повстанцами начались через несколько дней. К тому времени осажденные были настолько измучены, что согласились принять условия Нана Сахиба, хотя это было очень рискованно.

Условия были такими: если гарнизон сдастся, англичане получат возможность отправиться в Аллахабад. Вновь созданное индийское правительство даже обещало снабдить белых людей провизией и транспортом.

И вот английский флаг над укреплениями был спущен, а вместо него взвилось знамя пешвы[59]. Солдаты сложили оружие, и длинная вереница европейцев потянулась к пристани, где их ждали лодки.

Это было жалкое зрелище. Кое-кто ехал в паланкине на плечах индийских слуг, но многие брели сами. Женщины тащили на руках или вели за собой едва переставляющих ноги, изнуренных жаждой и голодом детей.

На всем пути следования к Гангу их сопровождали ненавидящие взгляды и гневные выкрики жителей Канпура и беженцев из разграбленных англичанами городов.

Сона брела в толпе англичан, низко опустив голову и надвинув на лоб дупатту. Молодая женщина не понимала, что говорят европейцы, и не представляла, куда они направляются. Здесь было несколько индианок – служанок белых леди, но Сона не решалась заговаривать с ними, ибо они держались своих хозяек.

Дул знойный ветер, и палящие лучи солнца были невыносимы, но от реки веяло прохладой. Индийские солдаты стояли, опустив оружие, и Сона немного успокоилась.

Европейцы принялись грузить кладь и размещаться в лодках. Индийцы внимательно следили за ними. Ничто не предвещало опасности, однако внезапно сипаи вскинули ружья. Раздались выстрелы, а следом – крики и стоны. Лодочники-индийцы быстро выскочили на берег и скрылись в толпе. Многие англичане бросились бежать, но всадники сипайской конницы с обнаженными клинками тут же догнали их и завершили расправу.

Английских женщин и детей вместе с их индийскими служанками и няньками оттеснили в сторону. Белые леди испуганно кричали и заламывали руки, а дети истошно плакали. Совсем потеряв голову, Сона присела на корточки, закрыла глаза и зажала уши руками. Она не сомневалась в том, что с минуты на минуту ее постигнет жестокая смерть.

Она вскочила на ноги, оттого что кто-то с размаху огрел ее палкой. Сипаи погнали женщин и детей, которых было около сотни, вдоль берега, а потом по одной из узких улиц Канпура. Когда одна из англичанок, споткнувшись, упала, ее тут же зарубили саблей, и Сона с ужасом смотрела, как по веселому цветочному узору ее муслинового платья расплывается зловещее багровое пятно.

Рядом, цепляясь за материнский подол, брел какой-то мальчик в матросском костюмчике. У него больше не был сил плакать, и он лишь размазывал по лицу грязной ручонкой слезы и сопли. Сону поразили его глаза чистейшей синевы, похожие на два сапфира, и она впервые подумала о том, что человеческая жестокость не имеет ни национальности, ни вероисповедания.

Их привели в какой-то дом, где заперли в большом зале, не предложив даже воды. Сона наконец решилась подойти к индианкам. Они были напуганы до полусмерти, но все же надеялись, что сипаи отпустят их.

Большинство этих женщин были шудрами. Молодые, но изнуренные ежегодными родами и глубоко разочарованные в жизни, они выглядели намного старше своего возраста. При этом им все же хотелось жить. Невзгоды заставили их стать служанками белых, кормилицами и айями[60] их детей, а преданность – последовать за своими хозяевами в крепость. Однако теперь эти женщины были готовы признать, что у них нет ничего общего с англичанами.

Вскоре одну из индианок увели, и она не вернулась. Ее товарки гадали, что с ней случилось: отпустили ли ее, убили или с ней произошло кое-что похуже? Неужели сипаи станут насиловать своих?

---

[59] Пешва – титул первого министра, главы государства маратхов. В 1817 г. последний пешва Баджи Рао II потерпел поражение в борьбе с Ост-Индской компанией; его владения были аннексированы.

[60] Айя – няня.

Сона не разделяла их надежд. Она уже поняла: война разрушает все устои и границы. Когда один из солдат, охранявших зал, в очередной раз подошел к сбившимся в кучу индианкам, он показал на молодую брахманку. Сона поднялась с корточек и поправила дупатту, жалея, что не взяла с собой парик. Возможно, искусственные волосы помогли бы ей. Она могла бы сказать, что, как и другие, поступила на службу к англичанам, а потом последовала за ними из страха или повинуясь долгу.

В соседнем зале ждали несколько сипаев в полурасстегнутых от жары мундирах. Они пили что-то прохладительное, а может, и кое-что покрепче. В эти дни все праздновали победу пешвы: в городе раздавались артиллерийские залпы и гремела музыка. Опьяненные победой сипаи вели себя как безумные, из дисциплинированных воинов превратившись в неуправляемое сборище.

Сона остановилась перед солдатами, придерживая край сари, а они смотрели на нее во все глаза, потому что она была намного красивее других женщин, как индианок, так и белых.

– А вот эту мы никуда не отправим и никому не отдадим, – вполголоса произнес один из индийцев, по-видимому главный. – Я буду первым, а потом – вы.

Сипаи схватили Сону за руки и за ноги и повалили на ковер. Она пыталась кричать, но ей заткнули рот тряпкой. Вытаращив от ужаса глаза, молодая женщина видела, как они выстраиваются в очередь, ощущала всей кожей, как они сгорают от нетерпения.

Дупатта сползла с головы Соны, и мужчина, собиравшийся надругаться над ней первым, остолбенел.

– У нее нет волос! Она… она… нечистая! Я не стану ее трогать, иначе на меня и весь мой род падет проклятие!

Солдаты толпились в растерянности. Немного придя в себя, их командир рывком поставил Сону на ноги и вытащил у нее изо рта кляп.

– Кто ты?

Мгновение – и она обрела спасительную твердость. Теперь, когда ее обман раскрылся, у Соны было чувство, будто она выхватила из ножен долго скрываемое оружие. Пусть оно не спасет ее от смерти, но хотя бы убережет от насилия.

– Я вдова. Сбежала из приюта в Варанаси, а потому укрывалась среди белых.

Раздался всеобщий возглас изумления, а потом кто-то сказал:

– Что с ней делать? Убить?

Сона стойко ждала приговора и невольно вздрогнула, когда командир сипайского отряда сказал:

– Нет. Это уже не наши дела. Пусть решает пандит[61].

Молодую женщину заперли в отдельной комнате. Много позже до нее дошел слух, что все белые дамы и их дети были убиты, а их тела сброшены в колодец. О том, что стало с их индийскими служанками, оставалось только догадываться.

Под вечер сипаи привели в особняк старого брахмана. Вдохнув исходящий от него привычный запах сандаловой пасты, Сона немного успокоилась. Неважно, что решит этот старик, главное, что теперь солдаты не решатся до нее дотронуться.

– Ты вдова? – спросил брахман, когда она поклонилась ему.

– Нет, у меня есть муж.

– Но ты сказала, что жила в приюте для вдов!

– Я убежала оттуда и вновь вышла замуж.

Сона знала, что говорит неслыханные вещи, что она презрела правила, установленные от века, но сейчас она осознавала одно: ее любовь сильнее и важнее любых законов.

– Из какой ты касты?

[61] Пандит – почетное звание ученого брахмана.

– Мой отец – брахман.

– И ты так легко сознаешься в своей нечистоте, в том, что презрела обычаи своей касты!

– Если б я этого не сделала, надо мной бы надругались солдаты, а потом, наверное, убили бы. Полагаете, я этого заслуживаю?

Пандит был сбит с толку ее гордым, даже заносчивым видом, смелостью, ярко сверкавшей в темных глазах, и явным желанием защищаться до самого конца. Она держалась не как преступница, а как рани. В ней словно воплотились величие Сарасвати и красота Лакшми[62], она напоминала благородный цветок, красивый и нежный.

– Ты заслуживаешь быть изгнанной из касты.

– Я уже изгнана.

– Ты утратила понятие о чистом и нечистом, а самое главное для женщины – стыд. Тебе надо вымазать лицо сажей, а голову – куриным пометом, посадить на осла и провезти по городу.

Ее молчание было таким пронзительным, что брахман невольно вздохнул, а после махнул рукой.

– Ты одержимая! Я не знаю, что с тобой делать. Будет лучше, если тебя вернут обратно в приют и отдадут на суд тамошних жрецов. В Варанаси есть коллегия пандитов, пусть они решают, как с тобой быть.

Как ни странно, Сона не дрогнула. Она очень надеялась, что в этой неразберихе ей удастся сбежать.

[62] Сарасвати – богиня мудрости, знания, искусства, супруга Брахмы; Лакшми – богиня изобилия, удачи и счастья, воплощение грации, красоты и обаяния.

Глава X

Ратна безуспешно искала Амита: его никто не знал, никто не мог сказать, где он, а тем более что стало с его семьей. Убийства перемежались празднованиями победы, люди словно сошли с ума! Толпа разъяренных сипаев продолжала преследовать оставшихся в живых европейцев. Мирные жители помогали охотиться на них в лабиринтах городских улиц.

Трупы никто не убирал, и над Канпуром кружили тучи ворон и стервятников; по ночам вокруг города выли гиены, днем не давал покоя жужжащий рой мух, а тошнотворный запах разложения перебивал все остальные.

Отчаяние и непролитые слезы застыли в горле Ратны тугим болезненным комом. На что бы она только ни пошла ради того, чтобы просто узнать, жива ли ее дочь, не говоря уже о том, чтобы прижать ее к груди!

Иногда молодая женщина заставляла себя купить какой-то еды, хотя ей ничего не хотелось. Обычно она ночевала в развалинах какого-нибудь дома, а умывалась в реке. Сейчас она была даже рада тому, что ей не нужно ухаживать за волосами, иначе они быстро превратились бы в паклю.

Ратна старалась не попадаться на глаза горожанам, чтобы избежать лишних вопросов, однако бесстрашно выходила навстречу сипаям, не знавшим о том, что она прячет под сари горлышко разбитой бутылки. К счастью, пока никто не делал попыток оскорбить ее или надругаться над ней; напротив, кое-кто из солдат советовал ей быть осторожнее и предлагал покинуть город. Но Ратна поклялась не уходить из Канпура до тех пор, пока не найдет следов своей дочери.

Узнав о судьбе английского гарнизона, она встревожилась за Аруна и Сону. Оставалось надеяться, что укрывшиеся в крепости индийцы не разделили участи белых.

Однажды утром, выбравшись из развалин, Ратна увидела, как несколько индийцев тащат по улице англичанина в запятнанной кровью военной форме. Проследив за тем, как они повалили белого на землю и принялись… приколачивать его ладони к двум перекрещенным доскам, девушка застыла от ужаса. Она никогда не слышала о столь жестоком наказании или казни!

Громкие крики индийцев, которыми они распаляли себя, заглушали стоны несчастного.

– Эти собаки изнасиловали мою дочь, и она утопилась в Ганге!

– Да я лучше убью своих женщин, чем отдавать этим скотам!

– Я слышал, в Мируте они зашивали мусульман в свиные шкуры и мазали жиром, а индусам заливали в глотку коровью кровь!

– А мы казним этого нечестивца так, как был убит их бог!

– Да, пусть получит свое!

Ратна не знала, о каком боге они говорят; она, случалось, путалась даже в своих божествах, потому что происходила из касты, которой запрещено изучение Вед[63].

Что касается белых, девушка не испытывала к ним ни симпатии, ни ненависти. Они были существами из другого мира. Работая у англичан, Ратна видела, что и они относятся к ней с той же смесью непонимания и опаски.

Завершив кровавое дело и немного покуражившись, индийцы устремились вверх по улице – возможно, в поисках новой жертвы.

Густая серая пыль под неподвижным телом и вокруг него мигом побагровела. Подойдя ближе, Ратна увидела, что ладони англичанина пронзены двумя кинжалами, воткнутыми в

[63] Веды – священные книги индусов.

доски. Едва ли лезвия глубоко вошли в дерево, и она подумала, что, пожалуй, сумеет их вытащить.

Мужчина уже не стонал. Его глаза были закрыты, а лицо казалось белее речного песка. Однако грудь тихо вздымалась и опадала – он был жив.

Глядя на него, Ратна содрогалась от страха, отвращения и жалости: ей казалось, будто внутри ее существа копошатся черви. Сделав над собой невероятное усилие, она рывком вытащила сперва один, потом второй клинок. Англичанин застонал и принялся хватать ртом воздух. А после неожиданно открыл глаза.

Его покрытые пылью волосы казались седыми, а глаза были блекло-голубого цвета, каким обычно бывает подернутое знойной дымкой летнее небо.

Ратна понимала, что у нее не хватит сил оттащить его с дороги в какое-нибудь укрытие, если только он не сможет встать сам. И как с ним общаться? Работая у белых, она выучила несколько английских слов, но этого было явно недостаточно для того, чтобы вести диалог.

То и дело оглядываясь по сторонам, она мучительно размышляла, что делать, как вдруг раненый прошептал, глядя в лицо стоявшей над ним девушки:

– Спасибо!

Ратна помнила это английское слово. Она была уверена в том, что он ее не поймет, однако произнесла на своем языке:

– Эти люди могут вернуться. Вам надо попробовать встать. Попытайтесь спрятаться в развалинах.

– Да, я попробую…

Голос англичанина был слабым, а взгляд далеким и тусклым; казалось, он вот-вот потеряет сознание. И все же Ратна молча вознесла благодарность богам: он знал хинди! Оторвав от сари несколько узких полос ткани, она, как могла, сделала перевязку, после чего англичанину удалось сесть на корточки, а потом кое-как распрямить дрожащие ноги. При этом он расставил в стороны руки с окровавленными ладонями, отчего напоминал какое-то странное существо, похожее на большого птенца.

На его лице застыла гримаса мужественно переносимой боли, он шатался так, будто его сдувало ветром, и все-таки шел за Ратной. Девушка укрылась с англичанином в развалинах, где провела прошлую ночь.

Она спала урывками и большую часть времени не смыкала глаз. Нервное возбуждение, лишившее ее аппетита, на время уничтожило и потребность в отдыхе, равно как притупило чувство страха. А ведь прежде Ратна ни за что не решилась бы помогать чужому, тем более белому мужчине.

Ратне оставалось только догадываться, как и почему он оторвался от своих. А еще девушка думала о том, что на жаре загрязненные раны, скорее всего, загноятся и он не выживет.

Ратна устроила в своем укрытии что-то вроде постели, и англичанин улегся на эту кучу тряпья.

– У вас есть вода?

– Да, немного.

То была вода из Ганга, мутная и теплая, но раненый с жадностью выпил ее. А потом на улице послышались шаги и крики, и Ратна решила, что это вернулись мучители белого. Она оказалась права: они громко переговаривались, удивляясь, куда он мог деться.

– Подождите здесь! – на всякий случай шепнула она молодому человеку, хотя едва ли он смог бы уйти.

Вооруженная теперь уже не бутылочным горлышком, а одним из предусмотрительно взятых с собой кинжалов, Ратна вышла из укрытия.

Услышав шаги, индийцы обернулись как по команде. Они увидели перед собой тощую босоногую девушку в запыленном изорванном сари. Ратна держала правую руку под тканью, но это не настораживало, ибо от ее фигурки веяло неприкаянностью и робостью. Девушку могли выдать только глаза, но она смотрела в землю.

– Вы ищете белого человека?

– Да, да, сестра!

– Его увели два других англичанина – они пошли вон туда!

– Они наверняка не успели далеко уйти! – радостно вскричал один из индийцев, и мужчины устремились в конец улицы, возбужденно переговариваясь и размахивая руками.

Ратна подумала о том, как быстро перевес в войне изменил этих людей. Совсем недавно ее соотечественники казались боязливыми и послушными, а теперь без малейшего содрогания и страха расправлялись с белыми буквально голыми руками.

– Они ушли, – вернувшись, сообщила она англичанину.

– Я подвергаю вас опасности.

– Это неважно, – натянуто произнесла Ратна, с удивлением ощущая, что вместе с думами о судьбе Анилы, сидевшими в ее сердце острым шипом, там поселилась вторая заноза. Ей не давали покоя мысли о небольших и неопасных, на первый взгляд, но вместе с тем страшных ранах англичанина.

Молодой человек тяжело дышал, его лицо было покрыто бисеринками пота. Немного поколебавшись, девушка промолвила:

– Я схожу на рынок. Надо купить какое-нибудь лекарство.

– Хорошо.

Это слово он произнес на своем языке, но Ратна его поняла. Базары всегда жили своей собственной жизнью и в то же время были сродни ртути, откликавшейся на малейшее повышение градусов в атмосфере города. Они цвели красками, бурлили голосами, струились запахами, но все это в один миг могло куда-то исчезнуть, спрятаться, будто черепаха в панцирь, и явить миру закрытые лавки, пустые лотки, клубы пыли, клочки соломы и другого мусора, разметаемого ветром меж осиротевших торговых рядов.

Сегодня базар гудел. Буквально на каждом шагу обсуждалась победа Нана Сахиба. Было много разговоров о полном и беспощадном истреблении феринговˢ⁴.

Ратна прошла мимо бледной, незаметной тенью, но услышала и узнала многое. Она купила сандал, куркуму и несколько неизвестных ей, но, как уверял торговец, очень действенных трав для лечения ран и настойку для снятия лихорадки. Девушка не знала, захочет ли англичанин есть, но все же принесла ему несколько лепешек-чапати и молоко в глиняном кувшине.

Пробравшись в развалины, Ратна увидела, что лицо раненого пылает. Она с трудом дала ему лекарство и безуспешно пыталась влить в рот молоко, а когда бинтовала ладони, приложив к ним траву, он даже не стонал.

Англичанин лежал, впав в забытье, а Ратна сидела, прислонившись к обвалившейся каменной стене. Из-за этого человека она лишилась возможности искать свою дочь, однако злиться на него не имело смысла. Оставалось ждать, когда он испустит дух или когда ему станет лучше.

Под вечер Ратна попыталась выйти, но быстро вернулась, увидев на дороге… гиену! Она прогнала животное, швырнув в него несколько камней, и пару мгновений стояла, потрясенная до глубины души. Гиена на улицах Канпура! В разоренном городе с почерневшими английскими бунгало без крыш, сгоревшими дотла казармами, вытоптанными садами и кладбищами, где могильщиками служили хищные птицы.

---

[64] Феринги (ференги) – иноверцы, чужеземцы; презрительная кличка англичан в Индии.

Когда она склонилась над англичанином, проверяя, жив ли он, его глаза вдруг открылись и он произнес:

– Я думал, вы ушли.

– Я не могу уйти.

– Но ведь я ваш враг!

Она покачала головой.

– У меня нет ни друзей, ни врагов, я сама по себе.

– Дайте мне воды.

Девушка выполнила его просьбу, и он, напившись, сказал:

– Мне стало немного лучше. Ваши травы помогли.

– К сожалению, я не могу позвать к вам врача-индийца, а белых в городе нет. Кто сбежал, а кого убили.

Он сделал паузу.

– Я знаю.

– А вы… почему вы остались? – задала вопрос Ратна, хотя ей было совершенно неинтересно об этом знать.

– Так получилось. Я не успел. Мне пришлось спасать кое-какие важные документы.

– А где они теперь?

– Спрятал в надежном месте. Если я умру, едва ли кто-то когда-либо их найдет, хотя я должен передать их командованию.

– Вы имеете в виду, что сюда вновь придут ваши люди?

– Да, это неизбежно. К Канпуру движутся британские войска, вскоре они будут здесь.

– Они возьмут город?

– Думаю, да.

Ратна не заметила, что он не сказал «надеюсь», и спросила, невольно вовлекаясь в разговор:

– Потому что вы считаете себя сильнее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.